ПО ТУ СТОРОНУ

Олег Герасимов

СУМЕРКИ КАИРА

ПО ТУ СТОРОНУ

Олег Герасимов

СУМЕРКИ КАИРА

МОСКВА
«СОВЕТСКАЯ РОССИЯ»
1980

32И
Г37

Книга рассказывает о зигзагах внутренней и внешней политики нынешнего египетского руководства. Автор разоблачает антидемократическую сущность режима Садата, отбросившего Египет на много лет назад по сравнению с временами президента Насера. В книге на богатом фактическом материале показана вся глубина политической пропасти, в которую режим Садата, скатившийся на путь пособничества американскому империализму и Израилю, вверг египетский народ.

Г $\frac{11105-106}{М-105(03)80}$ 69—80 0804000000

Вместо предисловия

Впервые я попал в Египет в 1957 году. Июньским вечером белоснежный теплоход «Крым», один из ветеранов, оставшихся после Отечественной войны в бассейне Черного моря, медленно входил на рейд Александрии, второго по величине и значению города Египта. Немногочисленные пассажиры толпились на палубе, суетливо вертели головами, стараясь за серыми портовыми строениями и небоскребами набережной увидеть столицу Клеопатры.

Египет приближался к зениту своего политического авторитета. Позади была революция 1952 года, сбросившая прогнивший режим короля Фарука, национализация Суэцкого канала и тройственная агрессия Израиля, Англии и Франции. Страна, история которой насчитывает не одно тысячелетие, строила новую жизнь.

Приметы этой новой жизни чувствовались повсюду. У колонны Помпея, похожей на обсосанную леденцовую палочку, толпились школьники. Они внимательно слушали учительницу, рассказывавшую о городе, получившем свое название от имени Александра Македонского, о маяке на о. Фарос, бывшем одним из чудес древнего мира, о библиотеке с тысячами рукописей, которая погибла в огне пожара в начале новой эры. Английские колонизаторы, правившие страной не одно десятилетие, оплевывали древнюю историю страны, пытались внушить египтянам, что подлинная цивилизация на древней земле Египта началась лишь с приходом английских томми в пробковых шлемах.

В порту под разгрузкой стояло несколько судов. Длинные, похожие на жирафов, краны бережно тянули из трюмов ящики со станками, генераторами, автомашины, бульдозеры, арматурное железо. Страна начинала строить с помощью Советского Союза Асуанскую плотину и заводы в Хелуане близ Каира, которые должны были помочь Египту освободиться от вековой зависимости, дать работу и достаток тысячам египтян. Нередко из трюмов из-

влекались танки и оружие. Страна, которая отбилась от наглой агрессии 1956 года, должна была себя защищать. Суэцкая авантюра показала, что враги нового Египта не ограничивались словесными угрозами и привычно хватались за «большую дубинку».

С тех пор мне довелось не раз бывать в Египте, говорить с его политическими деятелями и простыми людьми, говорить о проблемах страны и международных вопросах, о заботах сегодняшнего дня и планах на будущее. Многое изменилось в их взглядах и представлениях, многое изменилось на египетской земле. Чтобы понять всю глубину сумерек, которые опустились над страной, стоит немного оглянуться назад, оценить те достижения и успехи народа Египта, то наследие Насера, от которого отказалось нынешнее египетское руководство, вставшее на путь сотрудничества с империалистами и силами агрессии.

Новая жизнь на берегах Нила

Сегодня, когда Египет оказался в одном лагере с темными силами реакции и империализма, мы особенно чувствуем величие Насера, возглавлявшего египетский народ с 1952 года до своей безвременной кончины в сентябре 1970 года. Насер был самым крупным политическим деятелем арабского мира послевоенного времени. Он поднялся до уровня государственного деятеля большой арабской страны, снискал любовь и уважение миллионов арабов, для которых его борьба за освобождение арабов, да и других народов развивающихся стран сделали его имя символом неподкупного государственного деятеля, человека, для которого интересы народа всегда стояли выше личного благополучия, суетного мелкого тщеславия и дешевого политиканства.

Начало пути

Его отец был мелким почтовым чиновником в г. Бени Мур в провинции Асьют. Он решил дать хотя бы одному сыну, старшему, Гамалю, высшее об-

разование и послал его на учебу в Каир из далекой южной провинции.

Уже в юности у Насера проявились задатки революционера. Он организует митинги против англичан, становится председателем комитета, который выступает за возвращение к власти буржуазно-националистической партии «Вафд», созданной в 1918 году. Такие действия были замечены полицией, и даже после окончания школы с отличием дорога в университет ему была закрыта. Оставался один путь — в офицерскую школу.

В арабском мире профессия армейского офицера всегда считалась достаточно почетной и уважаемой. Это связано с походами первых мусульман и с традициями египетского общества, в истории которого немало офицеров достигли больших государственных постов. Иными словами, для Насера не оставалось иного пути, как поступить в военный колледж. Насер блестяще выдержал экзамен и в течение полутора лет погрузился в изучение военных дисциплин. Но этим не ограничивался круг его интересов. Биографы Насера приводят списки книг, которыми увлекался будущий президент Египта. Среди них работы военных деятелей Клаузевица, Лиддл-Гарта, Фуллера, мемуары Черчилля, биографии Наполеона, Ататюрка, Бисмарка, Гарибальди, труды западных и арабских авторов по истории Египта и арабских стран.

1 июля 1938 года лейтенант Насер получил назначение в 3-ю пехотную бригаду, расквартированную в г. Манкабаде в провинции Асьют. Здесь он познакомился с будущими участниками революции 1952 года, в том числе с Мухаммедом Анваром Садатом. Нынешний президент Египта Садат, вспоминая годы своей юности, проведенные с Насером, писал:

«Его моральная чистота, его великодушие, широта его взглядов влекли нас к нему. Благодаря горевшему в нем энтузиазму, уверенности и силе он мог оказывать на тех, кто с ним сближался, неотразимое влияние. Полный уверенности в себе и в будущем, он заражал нас своим энтузиазмом и верой в судьбу Египта. Он вскоре стал центром притяжения, вокруг него группировались горячие последователи, которые не могли предвидеть, что их во-

жак станет открывателем новой эры. Он был отмечен судьбой».

В г. Манкабаде создается первая группа офицеров-единомышленников во главе с Насером. После перевода в 1939 году в Александрию он знакомится с будущим вице-президентом республиканского Египта Абдель Хакимом Амером. Затем Насер служит в Судане и в 1943 году возвращается в Каир, в военный колледж, для преподавания тактики. С тех пор его жизнь была связана с этим колледжем: армейские офицеры хорошо знают преподавателя тактики Гамаль Абдель Насера, любят его за светлый ум и смелые патриотические идеи.

Насер кропотливо создает офицерскую организацию, получившую название «Свободные офицеры». В армии появляются первые ячейки, в 1942 году выбирается руководящий орган и создаются секции. Тайное офицерское общество росло и к 1948 году уже насчитывало 700 человек. Были установлены контакты с гражданскими элементами, оппозиционно настроенными в отношении монархического режима. Здесь были и буржуазные националисты из легальной партии «Вафд», и мусульманские экстремисты из «Братьев-мусульман», и египетские марксисты. Сам Насер говорил впоследствии, что в 1948 году он подумывал о вступлении в марксистскую организацию, но, ознакомившись с ее программными документами, отказался от этой идеи: атеизм и немусульманский подход был, по его словам, чужд складу его ума.

Во время первой арабо-израильской войны Насер воевал в районе Фаллуджи. Его часть попала в окружение, сам он был ранен в плечо. Но не боязнь пленения, не ранение терзали его душу. Египтяне терпели поражение не потому, что не умели или не хотели воевать. Воевать было просто нечем. Винтовки системы «маузер» были образца 1912 года, плохие итальянские ручные гранаты взрывались в руках египетских солдат. Американские танки стояли без движения из-за отсутствия запасных частей. Насер и его окружение знали виновных в снабжении армии негодным оружием. Двоюродный брат короля принц Аббас Халим прикарманил 500 тысяч долларов из средств, выделенных по бюджету на закупку оружия. Зять короля генерал Хусейн Сир-

ри Амер способствовал продаже сионистам дизельного топлива, металлолома и обмундирования. Да и сам король Фарук недалеко ушел от своих приближенных: в самый разгар палестинской войны 1948 года Фарук снял с фронта саперный батальон для строительства своей виллы в секторе Газа.

В книге «Философия революции», изданной после революции 1952 года, Насер писал: «Мы воевали в Палестине, но душой были в Египте. Мы посылали пули во врагов, притаившихся в окопах перед нами, но сердца наши оставались на далекой родине, которую тогда терзали хищные волки... То, что происходит сейчас в Палестине, всего лишь миниатюрная копия того, что происходит в Египте. Наша родина испытывает такие же трудности и так же опустошена врагами... Честолюбцы, стяжатели и интриганы так же играют ее судьбой и так же оставили ее под огнем безоружной».

Итак, главный фронт — внутренний. Эта идея, проверенная Насером в окопах Фаллуджи, получает дальнейшее развитие. «Свободные офицеры» активизируют работу по консолидации своих сил, усиливают конспирацию, чтобы не дать ищейкам короля раскрыть организацию. Все это удавалось, и впоследствии о «Свободных офицерах» будут говорить как о «шедевре соблюдения секретности». Окончательно оформляется организационная структура, укрепляются низовые ячейки, избирается исполнительный комитет, бессменным главой которого становится Насер.

Офицеры тщательно готовили восстание против монархического режима. Тщательность этой подготовки требовала продолжительного времени, но события в стране ускорили назревание революции.

Палестинская война легла тяжелым бременем на трудовое крестьянство и рабочих. Забастовки вспыхивали повсеместно. Забастовка рабочих железнодорожного депо Абу Забил была подавлена лишь тогда, когда помещение депо было атаковано танками. В Шубра эль-Хейме рабочие текстильной фабрики в течение четырех дней отбивались от полиции, штурмовавшей помещения, занятые бастующими. Восставшие крестьяне захватывали помещичьи усадьбы, жгли посевы и имущество. Революция зрела на брегах Нила.

В январе 1950 года на парламентских выборах победила партия «Вафд». Эта победа насторожила королевскую верхушку и стоявших за ней англичан, опасавшихся, что египетская буржуазия попытается снизить накал страстей в стране путем пересмотра кабальных англо-египетских соглашений и прежде всего договора 1936 года. Англичане поспешили ободрить свою марионетку. Уже в феврале 1950 года Фарука посетили герцог Эдинбургский и принц Глостерский, а также лорд Маунтбатен. Англичане натянули на жирную тушу Фарука генеральский мундир и вручили украшенный вензелями диплом о присвоении звания генерала британской армии.

Королевская полиция металась в поисках таинственной организации «Свободные офицеры», а король, погрязший в разврате и опившийся вином, потерявший даже инстинкт самосохранения, играл в шахматы в Мунтазе, своей александрийской резиденции. Шахматные фигуры изображали полуголые королевские наложницы, которых переставляли на огромной, выложенной мрамором доске бессловесные нубийцы, следившие из-за спины за ходами короля и его шахматного партнера.

«Распутство Фарука можно сравнить с нравами двора при халифате, но это было бы для короля комплиментом. Фарук был просто вульгарным развратником, раздувшимся сексуальным пузырем. Компаньонами ему служили подонки и лакеи вроде Пули, его поверенного во всем, что касалось политики и женщин.

Итальянец Пули работал дворцовым электромонтером, пока Фарук не превратил его в самую влиятельную закулисную фигуру в Египте... Та неограниченная власть, какой пользовался Фарук... превратила просто ненормального короля с омерзительными склонностями в сексуальное чудовище, которое угрожало жизни людей и требовало жертв». Так писал о последнем египетском монархе Дж. Олдридж в своей блестящей книге о Каире.

Вафдистское правительство выступило с широковещательной программой борьбы за вывод английских войск из Египта. Лишь это могло снять внутреннее напряжение и разрядить обстановку. Англичане, конечно, не хотели оставлять Египет.

В ответ на предложение начать переговоры о выводе английских войск из Египта Лондон направил в Каир начальника генштаба фельдмаршала Уильяма Слима. В ходе переговоров Слим пытался запугать лидера вафдистов Мустафу Наххаса-пашу... угрозой нападения СССР на Египет. Наххас-паша, тонкий политик и дипломат, не упустил возможности поддеть прямолинейного фельдмаршала: «Мне будет весьма трудно убедить египетский народ, что русская оккупация будет хуже, чем английская».

Переговоры провалились. Неуклюжие попытки англичан, шарахавшихся от опереточных представлений до неуклюжих угроз и заведомой лжи, не спасли положения. В Египте нарастал народный гнев, и 15 октября 1951 года египетский парламент единодушно принял решение о денонсации кабальных соглашений 1899 и 1936 годов. Это означало крупную победу египетского народа и поражение колонизаторов, которые предприняли лихорадочные усилия спасти положение. Одно за другим появляются предложения о «средневосточном командовании» и «оборонительном союзе», куда предполагалось включить даже такие далекие страны, как Австралия и Южно-Африканский Союз. «Задача британского правительства совершенно ясна,— писала лондонская газета «Таймс» 18 октября 1951 года.— Безопасность Суэцкого канала слишком важна, чтобы Англия, Британское содружество наций и вообще весь западный мир могли допустить мысль о возможности эвакуации из зоны канала английских войск лишь потому, что Египет решил порвать договор 1936 года».

Железная логика колонизаторов! Договор, по которому английские войска находились в зоне Суэцкого канала, денонсирован египетским парламентом, а Лондон, всегда выставлявший себя поборником международных правовых норм, выдвигает необоснованные требования и претензии. Позицию Англии поддержали США: 17 октября 1951 года госдепартамент объявил незаконным расторжение договора 1936 года и полностью одобрил позицию Англии в египетском вопросе.

Но англо-американская дипломатическая возня на этом не закончилась. Я листаю старые вырезки из газет того времени. Газеты сообщают, что «оби-

женная» Англия начала наращивать свое военное присутствие в зоне Суэцкого канала. Английские войска оккупировали египетские города Порт-Саид, Суэц, Исмаилию, эль-Кантара и другие. Именно оккупировали, причем в стране, которая не находилась в состоянии войны с Англией и лишь посмела пренебречь навязанной «дружбой» с колонизаторами. В египетские порты были направлены авианосец «Трайэмр», крейсеры «Гамбия» и «Ливерпуль», десантные суда «Эмпайр Тест» и «Эмпайр Фьюэри» и другие. С переброской солдат с Крита, Адена, Сомали их численность в Египте достигла 120 тысяч человек. Англичане захватили все средства переправы через Суэцкий канал и блокировали все дороги, ведущие в его зону из Каира и Александрии.

Англичане вели себя как завоеватели в покоренной стране. 16 октября 1951 года британские томми расстреляли из пулеметов молящихся в одной из мечетей Порт-Саида. 8 ноября они ворвались в мечеть Нафисы в Исмаилии, а 18 ноября начали настоящее сражение с египетскими полицейскими, охранявшими резиденцию генерал-губернатора Исмаилии. Причем английские суда, стоявшие в озере Тимсах, через которое проходит Суэцкий канал, вели огонь по городу из корабельных орудий.

Такое положение нельзя было терпеть, и египетские патриоты взялись за оружие. Правительство Наххас-паши под давлением народа было вынуждено занять более решительную позицию. Сам премьер-министр возглавил миллионную демонстрацию в Каире, участники которой скандировали: «Английские империалисты, вон из Египта!» Египетское правительство отказалось от услуг английских специалистов и чиновников, работавших в Египте, а патриарх египетской литературы Таха Хусейн, занимавший пост министра просвещения, уволил преподавателей-англичан из всех колледжей и университетов страны.

В Каире, Александрии и других городах формировались партизанские отряды из рабочих, крестьян, интеллигенции и мелкой буржуазии. Бок о бок с мужчинами сражались и женщины, случай в то время беспрецедентный в истории мусульманской страны. Особенно отличились женский партизанский от-

ряд, возглавляемый выпускницей Сорбонны Дорией Шауфик, отряды Омара Шахина, Халеда ибн Халеда, Мухаммеда Ферида, Ахмеда Абд аль-Азиза. В январе 1952 года в Исмаилии отряд полицейских во главе с капитаном Мустафой Рифаатом отбивался от 1500 английских солдат, усиленных танками и бронетранспортерами. В сегодняшнем Египте эти имена почти забыты: нынешнее руководство заискивает перед Западом, и в стране нет ни улиц, ни площадей, названных именами этих героев.

Организация «Свободные офицеры» внимательно следила за развитием событий. Половинчатые действия вафдистского правительства, позволившего англичанам бесчинствовать в стране, вызывали гнев и возмущение. Выборы председателя офицерского клуба, на которых был «провален» зять короля генерал Хусейн Сирри Амер и был избран генерал Мухаммед Нагиб, сочувствующий «Свободным офицерам», показали, что армия идет за нелегальной патриотической организацией. И терпение Фарука и стоявших за его спиной англичан лопнуло.

В истории немало примеров, когда реакционные силы, чтобы получить повод для расправы над своими политическими противниками, прибегают к провокации. Нередко эта провокация принимает форму поджогов. Фарук и его дворцовая клика, чтобы разгромить революционные силы, решили организовать поджог Каира. Этот день, 26 января 1952 года, вошел в историю Египта как «черная суббота».

Утром 26 января толпы народа направились к королевскому дворцу Абдин, а оттуда на площадь Оперы. На площади находилось «Казино де л' Опера», любимое место развлечений английских офицеров, которых услаждали танцовщицы мадам Бадии. За столиком казино сидел египетский офицер с танцовщицей, и кто-то из толпы крикнул, что стыдно египтянину, да еще офицеру, сидеть с танцовщицей, когда его братья гибнут в Исмаилии. В ответ раздались циничные реплики, и разъяренная толпа, круша столы и стулья, ворвалась в помещение. Через несколько минут казино запылало ярким костром.

Пожар в заведении мадам Бадии был вспышкой стихийного гнева. Но потом начались «организован-

ные» беспорядки и поджоги. К работе приступила «таинственная» группа погромщиков, которая носилась на автомашинах по улицам Каира и швыряла бутылки с горючей смесью. Запылали кинотеатры «Риволи» и «Метро», гостиница «Шеппардс», здание английского «Барклейз бэнк», галерея французской художественной академии, конторы многих иностранных фирм. Поджигатели, руководимые начальником королевской канцелярии Хафизом Афифи, продолжали носиться на «джипах» от одного пожарища к другому, переворачивали пожарные машины, резали шланги и разгоняли людей, пытавшихся бороться с огнем.

Бесчинства продолжались до вечера, хотя, по свидетельству генерала Мухаммеда Нагиба, армия могла в зародыше подавить беспорядки. А как же реагировали на это дворцовые круги и вафдистское правительство?

Фарук назначил на 26 января большой прием в честь наследника престола, и более 600 офицеров египетской армии толпились в залах дворца Абдин, дожидаясь приема короля. Он же наблюдал из окон, как пылала его столица. Премьер-министр Наххас-паша находился у своей маникюрши. Министр внутренних дел Сираг эд-Дин обсуждал с хозяином антикварного магазина вопрос о судьбе своей старой мебели. Когда ему доложили о пожарах, он связался с командующим египетской армией генералом Хейдаром, но адъютант командующего ответил, что Хейдар на приеме у короля и просил его не беспокоить.

Вечером 26 января в Каир были введены войска, и вскоре пожары были погашены. Но дело сделано. Правительство Наххас-паши уволено королем в отставку, а на его место поставлен Али Махер, которого американцы и англичане еще до «черной субботы» называли кандидатом в премьер-министры. На следующий день было арестовано более 250 человек, в основном руководители партизанских отрядов и демонстрантов. Сотни партизан арестованы в зоне Суэцкого канала и переданы англичанам. Обстановка накалилась до предела, и только египетская армия и организация «Сьободные офицеры» могли разрубить сложный клубок противоречий.

16 июля Насер созвал срочное совещание исполкома «Свободных офицеров». Фарук и его клика спасались от июльской жары в Александрии, английский посол пребывал в отпуске на берегах туманного Альбиона. 20 июля был отдан приказ о готовности к решительным действиям, а 22 июля на квартире «красного майора» Халеда Мохи эд-Дина был окончательно утвержден план действий.

Выступление «Свободных офицеров» было хорошо спланировано. Каждый член исполкома отвечал за выполнение конкретной задачи. Общее руководство революцией возложено на Гамаль Абдель Насера. Девиз революции — «Решимость и Отвага». Пароль — «Победа».

Реализация плана восстания осуществлялась согласованно и четко. Здесь сказались и организаторские способности Насера, и то обстоятельство, что исполнителями были офицеры, привыкшие к дисциплине и исполнению приказов.

В ночь с 22 на 23 июля 1952 года был захвачен дворец аль-Кубба и арестованы собравшиеся там офицеры-монархисты. Восставшие блокировали дороги, ведущие в столицу, и предупредили английское и американское посольства в Каире о том, что происходящие события являются сугубо внутренним делом и любое вмешательство со стороны Англии или США может привести к нежелательным осложнениям.

Первый этап революции был успешно завершен. Военная власть в руках восставших офицеров, руководимых Насером. Но король Фарук все еще пляжился в Александрии. По его поручению в Каир названивали члены его свиты и министры, все еще верившие, что конфликт можно уладить, назначив на командные посты офицеров, захвативших военную власть. Чего здесь было больше — незнания внутриполитической обстановки, неумения разобраться в ней или наивной надежды, что любого офицера его величества короля Фарука можно соблазнить обещанием очередного повышения в ранге, большого жалования и звонких орденов? Не исключено, что здесь сыграло свою роль и англо-американское соперничество. Когда Фарук истошно взывал к англичанам о помощи и требовал захватить Каир и бомбардировать Александрию, кроме,

разумеется, его дворцов, А. Иден информировал об этом Г. Трумэна, который отказался от вмешательства в египетские дела.

Вечером 26 июля 1952 года из порта Александрия взяла курс на Геную белоснежная яхта «Махруса». На борту ее находился Фарук со своей семьей и двумястами чемоданами. Утром он принял ультиматум «Свободных офицеров» и подписал акт об отречении от престола. Дрожащей рукой он поставил свою подпись под документом и даже умудрился сделать орфографическую ошибку в своем имени. В этом нет ничего удивительного: Фарук не мог писать на языке страны, которой его семья правила более столетия. Грохот залпов береговой артиллерии и орудий египетских военных кораблей, стоявших на рейде в Александрийском порту, возвестил о том, что в многовековой истории Египта перевернута еще одна страница.

Тернистый путь к прогрессу

Сегодняшние египтяне считают себя наследниками древнего Египта с его гигантскими храмами и пирамидами, его таинственными богами, олицетворяющими силы добра и зла, его достижениями в медицине, математике и астрономии. И это в значительной степени верно. Но лишь в значительной степени, поскольку позднее Египет, эта житница Средиземноморья, поглотил, перемолол и ассимилировал многих пришельцев. В первые века нашей эры им правили греки, и известная Клеопатра была гречанкой, хотя и египетской царицей. Затем появились арабы, оставившие самый глубокий след в истории страны. Египтяне приняли принесенный ими ислам и язык, и сейчас страна справедливо считается самым большим государством арабского мира. Затем появились турки. Их постепенно вытеснили англичане, которые вплоть до революции 1952 года были фактическими хозяевами страны, возвышая угодных и убирая с политической арены неугодных им королей и министров.

Однако все эти события затрагивали в основном Каир и Александрию. Египетская глубинка, населенная нищими феллахами, которые отрывались от тяжелой мотыги лишь для того, чтобы утереть с лица обильный пот, продолжала жить по-старому: вы-

ращивать хлопок и овощи, рожать детей и в годы неурожаев выталкивать лишние рты в большие города. Городское население, кормившееся дарами долины Нила и ее нищих садовников, было космополитическим. Англичане, почти столетие правившие Египтом, лето проводили в Александрии, где чаще можно было встретить грека, итальянца или француза, чем египтянина. На зиму они отправлялись на юг, в Асуан, где приобретали стойкий бронзовый загар. Богатые европейцы и египтяне веселились в Каире с необычайной пышностью, коротая время между светскими приемами и неизнурительной работой в представительствах иностранных фирм и компаний. Они считали себя джентльменами и как джентльмены считали, что им все дозволено. «Сладкую жизнь» портили лишь египтяне, которые бежали из нищей деревни в Каир и другие города. Нищая жизнь в египетской деревне была постоянной, как Нил с его регулярными разливами, приносившими плодородный ил на тысячелетиями возделываемую землю.

«Свободные офицеры» получили в наследство от королевского режима нищую и разоренную страну.

В 1952 году английский безработный получал ежедневное пособие, равное пятидневному заработку египетского крестьянина. Американский писатель Герман Мелвилл, автор знаменитого «Моби Дика», посетив Египет в прошлом веке, сделал такую запись в своем дневнике после осмотра Каира: «Множество слепцов — такого количества не встретишь ни в каком ином городе. Полдень, и мухи на глазах. Природа питается человечиной». С тех пор прошло одно столетие, но положение осталось прежним: по дореволюционной статистике на двух египтян приходилось три глаза. Средним пределом долголетия в Египте для мужчин было 24 года, а для женщин — 27 лет. Для нищего египетского феллаха серая лепешка и горсть бобов «фуль» были повседневной пищей и лакомством одновременно.

Насер и его сподвижники засучив рукава взялись за работу. Начала проводиться аграрная реформа и индустриализация, перестройка системы начального и среднего образования, были запрещены политические партии, действовавшие в пери-

од монархического режима, заключено соглашение об эвакуации английских войск из зоны Суэцкого канала. Насер стал признанным национальным лидером, выступавшим с антиимпериалистических и антифеодальных позиций.

Началась борьба против невежества. В период с 1952 по 1956 годы в Египте открывалось по одной общеобразовательной школе ежедневно, и неграмотность, бывшая союзником внутренней реакции, была объявлена главным противником республиканского Египта. Проводилась большая работа по формированию нового человека. Англичане внушали египтянам мысль о том, что они неполноценны и поэтому неспособны решать свои проблемы. Английские леди, которые преподавали в школах для детей английских военнослужащих, говорили своим питомцам, что египтяне — существа, стоящие чуть выше верблюдов, и, естественно, заслуживают соответствующего обращения. Страх перед господином, рабская покорность, безграничная терпеливость были характерными чертами простого египтянина, вытравить которые поставил своей целью Насер. Его речи, произносимые экспромтом, на разговорном арабском языке, были необыкновенно эмоциональны. Он призывал египтян «поднять голову», гордиться «своим вкладом в мировую цивилизацию», понять, что достоинство, оплеванное колонизаторами, следует защищать, если нужно, и с оружием в руках. В каждой, даже отдаленной и затерянной египетской деревушке есть кофейни с деревянными лавками и обязательным радиоприемником, где собираются вечерами простые египтяне. К ним были адресованы слова Насера. И эти слова были ими услышаны.

Укреплялись международные позиции Египта. Насер принял участие в апреле 1955 года в Бандунгской конференции 29 стран Азии и Африки и справедливо считается одним из основателей движения неприсоединения. Антиимпериалистический характер его внешней политики не вызывал сомнений. Насер приступил с помощью СССР и других социалистических стран к реорганизации армии и созданию боеспособных вооруженных сил. В Вашингтоне удивлялись «странной политике» Египта. В Лондоне оценки были жестче: англичане не могли простить

египтянам своих политических провалов и пускались на всякие дипломатические ухищрения, чтобы сохранить позиции. По свидетельству А. Идена, в Англии все больше склонялись к тому, что Насера «придется одернуть силой», причем с участием заокеанских союзников. 8 мая 1956 года посол Египта в США Ахмед Хусейн направил Насеру следующую шифрованную телеграмму о своей беседе с государственным секретарем США Д. Даллесом:

«Даллес заметил мне, что Генри Люс (реакционный американский издатель.— О. Г.) сказал ему, что Черчилль высказал следующую мысль: если Насер намеревается лишить Англию ближневосточной нефти, он должен уйти. Даллес добавил, что Англия предпримет максимум возможного для того, чтобы убедить США в опасности политики Насера в отношении Запада и его друзей... Холл, советник британского посольства в Вашингтоне, выступая с публичной лекцией, назвал Насера «врагом Запада номер один».

Осуществление планов Насера по перестройке общества требовало огромных средств. У Египта было слишком много дыр и слишком мало средств, чтобы их латать.

Пассажиру, летящему в самолете над Египтом, ландшафт этой страны представляется трехслойным пирогом. В центре извилистой лентой вьется Нил. С двух сторон его обступают темно-зеленые поля, которые как-то сразу обрываются и переходят в пустыню. Несколько тысячелетий долина Нила кормит все население Египта. За это время посевные площади практически не расширялись, удобрения не вносились. А население Египта росло: в 1947 году в Египте жили 19 миллионов человек, а в 1955 году — уже 23 миллиона. Земельный голод был самой острой проблемой. Аграрная реформа, ограничившая помещичьи землевладения, предусматривала создание кооперативов. Однако они не изменили положения.

Правительство Египта приняло решение начать освоение новых земель. К юго-западу от дельты Нила был проведен 47-километровый канал, который дал возможность оросить несколько тысяч гектаров Ливийской пустыни. На новых землях были организованы показательные кооперативы и соци-

альные центры с клубами, яслями и школами. Так в Египте появилась новая провинция «Тахрир», что значит «Освобождение». Но этого было мало. Строительство в районе Асуана высотной плотины, которая позволила бы увеличить на 1/3 площадь обрабатываемых земель и дать электроэнергию для новых предприятий, могло помочь решить эти трудности.

Египет обратился к США, Англии и Международному банку реконструкции и развития (МБРР) за финансовой помощью. Трудно предположить, что побудило в то время египетское руководство обратиться с этой просьбой к США и Англии, когда позиция Вашингтона и Лондона была недвусмысленно враждебной в отношении республиканского Египта, Насера и его антиимпериалистической политики. Может быть, Насер, а скорее, его окружение все еще питали какие-то иллюзии в отношении Запада. С точки зрения сегодняшнего дня эти надежды кажутся беспочвенными.

В декабре 1955 года США и Англия объявили о готовности помочь Египту в размере 70 млн., а МБРР — в размере 200 млн. долларов. Однако уже весной 1956 года США, Англия, а вместе с ними и МБРР демонстративно отказали Насеру в помощи. Собственно говоря, прямого отказа не было. Империалисты готовы были предоставить помощь, но обговаривали ее такими условиями, что принять их значило бы лишиться практически всех завоеваний революции 1952 года. Кроме финансовых и экономических условий от Насера требовали заявления о том, что он в дальнейшем не будет получать оружия из СССР и пойдет на сепаратное соглашение с Израилем. А это уже означало предательство национальных интересов, на которое Насер не мог пойти. Оставалась единственная возможность — найти средства для строительства плотины в самом Египте.

— Мы построим Асуанскую плотину сами, даже если нам придется действовать только лопатами,— говорил Насер своему другу Мухаммеду Хасанейну Хейкалу утром 20 июля 1956 года.— Даллес и Иден всегда обманывали Египет. Они вынуждали нас на заключение мира с Израилем на невыгодных условиях, на продление концессии для ком-

пании Суэцкого канала и, тоже на явно невыгодных для нас условиях, на вступление в иностранные военные блоки. Единственное, к чему они всегда стремились, заключалось в усилении влияния США и Англии. Мы построим высотную плотину сами, предпримем для достижения этой цели все возможное.

Итак, вопрос был решен. Если на Западе отказываются предоставить помощь для решения задач национального развития, следует их изыскать в стране. Причем самый короткий путь к этому — национализация иностранной собственности.

...Французский инженер Фердинанд Лессепс, воспользовавшись доверием и дружбой молодого правителя Египта Саид-паши, добился 30 ноября 1854 года соглашения о концессии на строительство Суэцкого канала. По декрету французы получили право прорыть канал и затем эксплуатировать его на протяжении 99 лет. Компания оплачивала расходы по строительству, но на 99 лет освобождалась от платы за землю, лежащую на трассе канала. По условиям соглашения египетское правительство получало 15 процентов прибыли от эксплуатации канала, а все остальное — акционеры, сидевшие в Париже и Лондоне. Канал строился десять лет — вручную. Трудно представить, какие горы земли пришлось перекидать согнанным сюда сотням тысяч египетских крестьян для того, чтобы прорыть канал длиной 173 километра, шириной 120—150 метров и глубиной 12—13 метров.

15 августа 1869 года воды Красного и Средиземного морей встретились, а 1 ноября первый английский пароход прошел через Суэцкий канал. По случаю открытия судоходства Исмаил-паша устроил грандиозный праздник, на котором присутствовали коронованные особы и министры многих стран мира. Итальянскому композитору Верди была заказана опера («Аида»), но великий композитор не успел завершить работу, и в новом театре, построенном за пять месяцев, давали «Риголетто».

Эта площадь со зданием оперного театра и конной скульптурой Исмаила-паши представляет собой центр Каира XIX века. Деревянное здание театра сгорело в 1972 году, но бронзовый Исмаил-паша восседает и сегодня на своем тяжелом жеребце,

вглядываясь в фасад старомодной гостиницы «Континенталь-Савой».

Я любил гулять по этой шумной площади во время приездов в Каир,— шумной от множества машин и громкоголосой, пестрой каирской толпы, штурмующей переполненные автобусы. Вокруг площади у решетки ограды садов Эзбекия каирские букинисты по утрам выкладывают свой товар из продолговатых деревянных ящиков.

От площади забитая автомашинами и повозками улица Моски ведет к мусульманскому университету аль-Азхар и «чреву Каира» — рынку Хан Халиль, существующему с 1400 года, с его многочисленными улицами, переулками и тупиками, где можно купить все, что производит египетская земля. У открытых лавок стоят наполненные доверху мешки с перцем, желтым куркумовым корнем, имбирем и другими лишь продавцу известными специями и приправами. Целые лавки заставлены огромными бутылями с благовонными маслами и притираниями. В темных дворах, соединяющихся с лавками крытыми переходами и балконами, затянутыми деревянными решетками, каирские ремесленники чеканят блюда, подносы, делают украшения.

«Дома напоминают коллекцию старых музыкальных инструментов, органов, лож у просцениума или же нагромождение старой мебели, сваленной на чердаке и покрытой пылью. Окна выступают наружу и заделаны решетками. Последние снабжены квадратными отверстиями, сквозь которые можно просунуть голову... В полдень темно, как ночью, т. к. выступающие балконы смыкаются в сплошные коридоры». Так писал о Каире Герман Мелвилл, посетивший Египет в тот самый момент, когда тысячи согнанных из долины Нила феллахов рыли Суэцкий канал. Тот самый канал, который сто лет спустя сын скромного почтового чиновника решил вернуть своему народу.

Хейкал в своей нашумевшей книге «Каирские документы» приводит схему, которую составил Насер, обдумывая операцию по национализации Суэцкого канала и ее последствия в бессонную ночь 21 июля 1956 года. Схема состоит из 15 пунктов и озаглавлена весьма знаменательно: «Если бы я был Иденом».

1. Иден прибегнет к насилию.
2. Насилие примет характер военной акции.
3. Возможность насилия — 80 процентов.
4. Наиболее вероятно, что Иден попытается втянуть Францию в свои действия.
5. США будут сохранять молчание, действуя против нас «из-под стола».
6. Позиция России будет иметь решающее значение.
7. ООН.
8. Возможность успеха интервенции.
9. Эвакуация Синая.
10. Израиль.
11. Национальная гвардия.
12. Наиболее подходящее время для интервенции?
13. Можем ли мы выиграть время?
14. В состоянии ли Израиль испробовать шанс и атаковать Сирию или Иорданию?
15. Заключение и резюме.

За каждой строкой схемы Насера просматривалась напряженная работа ума, попытка рассчитать действия своих противников и друзей, на поддержку которых можно рассчитывать. Забегая вперед, скажу, что Насер практически предугадал действия империалистов и даже время их вооруженной интервенции, а также позицию США и Советского Союза. Он ошибся лишь в оценке роли Израиля. Вдохновителями заговора были английские консерваторы, и подключение Израиля могло, по мнению Насера, подорвать позиции Англии в консервативных арабских странах, что и должно было сыграть роль «политического тормоза».

На следующий день Насер терпеливо убеждал своих министров в целесообразности национализации Суэцкого канала. С их стороны были возражения: впервые Египет замахивался не на английскую марионетку, каким был Фарук, а на всемогущую компанию, зарегистрированную в Лондоне. Убежденность Насера, его продуманная бессонной ночью аргументация были приняты. Исполнителем стал инженер Махмуд Юнес, назначенный главой группы национализации канала. Президент сообщил ему, что в своей речи в Александрии по случаю четвертой годовщины ликвидации монархии он

объявит о национализации Суэцкого канала. Как только он упомянет имя Фердинанда Лессепса, Юнес и его помощники должны занять штаб-квартиру Всеобщей компании Суэцкого канала в Исмаилии и ее отделения в Порт-Саиде, Суэце и Каире.

— Если я не упомяну его имени, то все отменяется,— закончил Насер.

Утром 26 июля 1956 года Насер поднялся на здание хлопковой биржи в Александрии. Написанной речи у него не было, и он начал несколько неуверенно и сбивчиво. Затем воодушевился, и его слова зазвучали более проникновенно и доверительно. Наконец, он упомянул имя Лессепса и Суэцкий канал. Ему показалось, что он сделал это невнятно, и Юнес его может не услышать. И Насер вновь и вновь повторял имя француза. Он сделал это раз десять, вызвав изумление у своих помощников.

Юнес сидел в машине в Исмаилии и слушал выступление президента. Услышав имя Лессепса, он распечатал конверт с инструкцией Насера. То же самое сделали его помощники в Порт-Саиде, Суэце и Каире. В тот момент, когда Насер закончил свою речь и зачитал официальное заявление о национализации Суэцкого канала, все служебные помещения компании были заняты египтянами.

Вечером 26 июля радиостанции мира разнесли новость: Египет национализировал Суэцкий канал.

Этот справедливый акт египетского правительства вызвал замешательство и растерянность в империалистическом лагере. Однако скоро растерянность сменилась гневом. Реакционная пресса, вдохновляемая заправилами национализированной компании, стала требовать вооруженного вмешательства и восстановления «поруганной» компании в правах. Главу о национализации Суэцкого канала А. Иден в своих мемуарах озаглавил «Кража». У англичан украли Суэцкий канал, расположенный на территории другого суверенного государства! Реакционные английские газеты печатали статьи, в которых доказывалось, что национализация Суэцкого канала очень-де смахивает на захват Гитлером Прирейнской области и что президент Насер — «деспот», «душитель», которого давно пора призвать к порядку.

Следующим этапом развития суэцкого кризиса

явилась Лондонская конференция 22 государств. Советское правительство высказало резкую и обстоятельно обоснованную критику по поводу состава конференции и тех целей, которые поставили ее организаторы. На Лондонской конференции рассматривались два плана урегулирования суэцкого вопроса: план Даллеса и план Менона. План Даллеса предусматривал изъятие Суэцкого канала из-под управления Египта и создание иностранного правления канала. План Менона, поддержанный делегацией Советского Союза, Индонезией и Цейлоном, имел в виду создание совещательного органа для сотрудничества с Египтом в эксплуатации канала.

«Миссия Мендеса», посланного организаторами Лондонского совещания в Египет и пытавшегося навязать план Даллеса, самым бесславным образом провалилась.

В Лондоне царила паника. Заправилы компании отзывают своих лоцманов и одновременно пригоняют 50 судов в Порт-Саид и Суэц с целью создать «пробку» и доказать всему миру «неспособность» Египта управлять каналом. Но и этот заговор провалился: египтяне с помощью 70 египетских и 7 греческих лоцманов благополучно провели за ночь все 50 судов через канал. Вскоре прибыли советские лоцманы, и ожидаемого «хаоса» не случилось: канал функционировал нормально.

Англия, Франция и США начинают носиться с планом создания так называемой «ассоциации пользователей Суэцкого канала», которая имела бы своих лоцманов, свою администрацию, свою кассу и пр. Этот смехотворный план послужил темой многочисленных карикатур в западной прогрессивной печати: империалисты пытались решить суэцкую проблему без хозяина, то есть Египта. Я сохранил некоторые вырезки из этих газет. Так, английская «Дейли уоркер» изобразила квартиросъемщиков, которые выгнали хозяина дома и заявили о создании своей «ассоциации», в кассу которой они будут вносить плату за квартиру. Французская «Юманите» опубликовала карикатуру, где нарисованы грабители, ворвавшиеся в банк, изгнавшие директора, служащих и объявившие о создании «ассоциации пользователей банка».

Поняв, что все средства для мирного решения суэцкого вопроса исчерпаны, колонизаторы решили прибегнуть к силе. В ночь с 29-го на 30 октября 1956 года израильские войска, изгнав из демилитаризованной зоны наблюдателей ООН и заминировав эту зону, ворвались на египетскую территорию и стали быстро продвигаться по Синайскому полуострову к Суэцкому каналу. В течение первых суток израильские части продвинулись на отдельных участках до 80 километров в глубь египетской территории. Якобы для того, чтобы гарантировать свободу прохода судов через канал, англо-французские власти под угрозой применения силы потребовали разрешить их войскам войти в Порт-Саид, Исмаилию и Суэц. Израилю и Египту предлагалось отвести свои войска на 10 миль по обе стороны канала. Египетское правительство отвергло эти провокационные требования. Вечером 31 октября англо-французская авиация начала налет на египетские города. На следующий день англичане высадились в Порт-Саиде, а французы — в Порт-Фуаде, на азиатском берегу Суэцкого канала. В начале ноября египетские солдаты оставили Синай; израильские солдаты вышли на берега Суэцкого канала.

После высадки англо-французского десанта Советский Союз потребовал немедленного созыва заседания Совета Безопасности ООН. На повестке дня стоял один вопрос — «О невыполнении Англией, Францией и Израилем решения Генеральной Ассамблеи от 2 ноября и немедленных мерах к пресечению агрессии указанных государств против Египта». В проекте советской резолюции предлагалось 12 часов для эвакуации всех интервентов; в том случае, если это не будет сделано, члены Совета Безопасности ООН предоставят Египту военную помощь для отпора агрессору. 5 ноября Советское правительство направило правительствам Англии, Франции и Израиля ноты, в которых выразило свою решимость «применением силы сокрушить агрессоров и восстановить мир на Ближнем Востоке». Реакция на это заявление последовала незамедлительно, и 7 ноября военные действия агрессоров были прекращены.

Помните шестой пункт схемы Насера? «Позиция России будет иметь решающее значение». За этим

предложением шли два других. «Скажем ли мы ей о предстоящей национализации Суэцкого канала? Может быть, мы преподнесем ей сюрприз?»

Насер действительно не информировал Советский Союз о предстоящей национализации, однако у него не было сомнений, что Москва поддержит этот шаг египетского правительства. В то время Насер еще не был в Советском Союзе, не имел личных контактов с советскими руководителями, хотя и мог на практике убедиться в доброжелательном отношении Москвы. В феврале 1956 года, когда Израиль совершил провокации в районе палестинской Газы, Насер обратился за оружием к Западу. В то время Египет имел шесть боеспособных военных самолетов и боекомплект для танков на один час сражения. На египетское обращение последовал естественный отказ: англичане «обиделись» на Насера за ликвидацию монархии, а французы не могли простить ему поддержку вооруженной борьбы патриотов в Алжире. США дали согласие поставить Египту вооружение на 27 миллионов долларов с условием выплаты его стоимости наличными и приема группы советников, которые будут наблюдать, как используется оружие. Естественно, египтяне не могли согласиться на это, и последовало обращение к Советскому Союзу и Чехословакии. Просьба Египта о поставке вооружения была удовлетворена.

На крутых поворотах

В книге «Философия революции» Насер излагает свою теорию о трех кругах, в которых живет и действует Египет. Первый круг — это арабский мир, частью которого является Египет.

«...Мы полностью сознаем прочность уз, которые связывают нас и делают наш район единым и монолитным.

Ни одна из входящих в него стран не может держаться независимо от других; ни одна из них не может быть изолирована, как остров, затерянный в просторах океана»,— писал Насер.

«Если мы обратимся затем ко второму кругу, к Африканскому континенту, то наверняка можно сказать, что мы ни в коем случае — даже если захотим этого — не останемся в стороне от страшной

и кровавой борьбы между пятью миллионами белых и двумястами миллионами черных, бушующей в настоящее время...

Мы не можем устраниться от этой борьбы по одной важной и простой причине — мы сами живем в Африке. Народы Африки ждут от нас помощи, так как именно мы охраняем северные врата континента и являемся звеном, соединяющим его с внешним миром».

И третий круг, в котором действует Египет, охватывает мусульманский мир. «Я называю его кругом наших братьев по вере, которые, в какой бы стране мира ни находились, обращаются вместе с нами все к той же Кибле[1], к Мекке и набожно, с благоговением шепчут те же самые молитвы».

В этой теории Насера о трех кругах немало спорного, но она хорошо показывает, почему насеровский Египет считал себя причастным ко всем событиям, происходящим в арабских странах, Африке и мусульманском мире. Причем в этих событиях симпатии Насера всегда были на стороне патриотических сил, боровшихся против империализма и местной тирании.

Победа Египта над тройственной агрессией сделала Насера самым популярным арабским лидером. Его портреты носили на шумных манифестациях в Дамаске и Багдаде, Сане и Адене. К его голосу прислушивались в странах Азии и Африки, освободившихся от колониальной зависимости или ведущих борьбу за свое национальное освобождение.

Последствия тройственной агрессии оказались роковыми для империалистов.

В октябре 1956 года к власти в Иордании пришло патриотическое правительство Набулси, которое разорвало дипломатические отношения с Англией и Францией. Даже Саудовская Аравия, традиционно шедшая в фарватере политики империалистических держав, также порвала дипломатические отношения с агрессорами. Влияние старых колониальных держав катастрофически падало, и США попытались заполнить этот «вакуум»: 5 января 1957 года президент Эйзенхауэр представил американским

[1] Кибла — ниша в мечети, указывающая направление на саудовский город Мекку, где находится главный мусульманский храм Кааба.

законодателям документ, который получил название «доктрины Эйзенхауэра». Ее суть сводилась к следующему: «Соединенные Штаты готовы использовать вооруженные силы для оказания помощи любой нации или группе таких наций, обращающихся с просьбой о помощи против вооруженной агрессии, совершенной любой страной, контролируемой международным коммунизмом».

Оскорбительная для достоинства арабов теория «вакуума» встретила сопротивление в арабских странах. В числе первых, кто выступил против новых планов закабаления арабского мира, был Насер.

«Мы не согласимся с идеей Запада о существовании «вакуума» на Ближнем и Среднем Востоке,— заявил он.— Эта идея предполагает, что подобный «вакуум» должен быть заполнен западными странами. Но мы его заполним сами. Или лучше сказать — мы его заполнили сами».

На всех крутых поворотах национально-освободительного движения Насер поддерживал патриотические силы арабских стран. Каир осудил интервенцию американцев и англичан в Ливан и Иорданию, поддержал свержение реакционной хунты Шишекли в Сирии и революцию в Ираке. Особенно прогрессивные позиции Насера проявились в событиях в Северном Йемене — небольшой арабской стране на юге Аравийского полуострова, народ которой сверг в сентябре 1962 года прогнивший монархический режим.

* * *

Бывший министр обороны Израиля Э. Вейцман, служивший в ВВС в период тройственной агрессии 1956 года, писал в своих мемуарах о том, как агрессоры покидали захваченную египетскую землю: «Какой-то злой инстинкт заставил меня лететь очень низко, между пальмами, над домами и дворами, и меня охватила ужасная злость. Я почти прокричал: «Мы вернемся, мы вернемся!»

И они вернулись в июне 1967 года. Внутренняя и внешняя политика Насера, строящего новый, сильный и независимый Египет, его поддержка патриотических сил других арабских народов, и особенно

палестинцев, шла явно вразрез с планами израильских агрессоров и стоящих за их спиной американцев. Они со злорадством смотрели, как рухнули планы Насера по достижению единства с Сирией, как обострялись отношения с арабской реакцией, клевавшей египетского президента за то, что избавление своего народа от вековой нужды и бесправия он связывал с принципами социалистической ориентации.

Израильские агрессоры, затаившись, ждали своего часа. И этот час наступил.

В ночь с 5-го на 6 июня 1967 года израильские самолеты начали бомбардировку аэродромов в Египте. Аккуратными рядами ложились американские бомбы на стоящие самолеты и на взлетные полосы. Израильтяне хорошо знали, что на плоской равнине сухопутная армия может вести боевые действия только при поддержке с воздуха. За один день были уничтожены все аэродромы и большая часть египетской авиации. В последующие дни израильтяне ворвались на Синайский полуостров и знакомыми с 1956 года дорогами покатились к Суэцкому каналу.

Египтяне уже привыкли к тому, что крупные события политического характера либо предшествуют, либо следуют за событиями военного плана. Такая роковая увязка не раз случалась в истории Египта. И они не ошиблись в своих ожиданиях. 9 июня 1967 года, когда на Синае еще продолжались бои, Насер выступил с большой речью по радио. Он обвинил США и Англию в прямом вмешательстве на стороне Израиля, объяснил причины военного поражения Египта и надломленным голосом закончил свою речь словами: «Я решил отказаться, полностью и безоговорочно, от всех официальных постов, от политической роли и возвратиться в ряды народа, чтобы выполнять вместе с ним свой гражданский долг». Он добавил, что передает свой пост вице-президенту Закария Мохи эд-Дину и считает, что отныне рабочий класс должен возглавить руководство египетской революцией.

С момента окончания речи Насера на улицах Каира стали собираться группы людей. Была воздушная тревога, но тысячи египтян ходили по улицам города, скандируя имя президента. Когда На-

родное собрание отклонило отставку Насера, Каир превратился в сплошное людское море, заполнившее улицы и площади столицы. В Каир прибывали люди из Александрии и зоны канала, из близлежащих городов и деревень на грузовиках, автобусах, нильских тяжелых барках и даже пешком. И все они несли плакаты с портретами Насера.

Но в глубине действовали другие силы. Уже давно нарастал конфликт между Насером и правыми элементами, которые считали, что пора избавиться от его социалистических идей и прийти к соглашению с США и Израилем. Они сидели в генеральном штабе, в ВВС и разведке.

Воспользовавшись всенародной поддержкой, Насер уволил в отставку командующего ВВС и группу штабных офицеров, начальников военной разведки и каирской военной тюрьмы. Но самые драматические события были еще впереди.

Верховным главнокомандующим вооруженных сил Египта был Насер, но фактически военными делами руководил маршал Амер, которого Насер считал ближайшим другом и соратником. Гнев народа в связи с поражением в войне был направлен и против Амера, и он чувствовал, что рано или поздно ему придется отвечать за свои ошибки. Многие офицеры, уволенные Насером, были близкими друзьями Амера, а помещики и египетские буржуа считали его «своим человеком». Сразу после июньской войны вилла Амера в каирском районе Докки превратилась в крепость, где прятались опальные офицеры. Именно здесь созрел тот нарыв, который нужно было удалить, и удалить немедленно с тем, чтобы спасти египетскую революцию.

План реакционных офицеров был прост. Они намеревались выехать в зону Суэцкого канала, где сосредоточилась почти вся египетская армия, и предъявить подложный приказ о назначении Амера главнокомандующим этой группы войск. Затем по телефону предъявить Насеру ультиматум, а в случае отказа отстранить его от руководства государством. Затем группа Амера намеревалась свалить вину за поражение на... Советский Союз, который «не вступил в войну на стороне Египта». Все это должно было произойти 27 августа.

26 августа Насер вызвал Амера и убеждал от-

казаться от своих замыслов, которые, как оказалось, были хорошо известны президенту. Амер стоял на своем, и Насер, как писала газета «Аль-Ахрам», «с сожалением и печалью» объявил ему о домашнем аресте. Президент добавил, что одновременно с ним арестовано еще пятьдесят офицеров, не считая охраны его виллы в Докки.

Но последний акт этой драмы двух людей, которые много лет шли бок о бок и разошлись врагами, был еще впереди. 12 сентября во время допроса Амер принял яд, но докторам удалось его откачать. 14 сентября он вышел в туалет и сорвал пластырь, который якобы закрывал какую-то царапину, а на самом деле — капсулу с ядом, и проглотил ее. Его немедленно отвезли в больницу, где он скончался через три часа.

Военное поражение обернулось политической победой Насера и тех левых сил, которые за ним стояли. В этом заключается парадокс истории, который предстоит еще осмыслить.

Хейкал с 20 августа 1967 года стал выступать по пятницам со статьями в газете «Аль-Ахрам», в которых, не щадя никого, критически разбирал причины поражения Египта, характеризовал вооруженные силы Израиля, его тактику и стратегию, а также слабости египетской армии, ее оторванность от общественной жизни и политических перемен в стране. «Армия, любая армия,— это кора, которой общество защищает себя, но кора не может жить, если ее не питают живые клетки тела».

27 ноября 1967 года «Таймс» писала следующее: «После войны в Египте наблюдается элемент деловитости. Египтяне так сильно переживали свое поражение, что и теперь, если кто-нибудь пренебрегает своими служебными или общественными обязанностями, ему говорят: «Вот из-за этого мы и проиграли войну».

10 декабря 1967 года лондонская «Санди Таймс» писала, что созданный в начале 60-х годов Насером Арабский социалистический союз созывает собрания для обсуждения положения в стране. «АСС рекомендовано поощрять критику и выяснять, как воспринимает ее народ, совершенно не привыкший к общественным обсуждениям таких проблем. Насер считает, что это лучшая для него

гарантия против возможных интриг. Египетский народ вправе знать обо всех ошибках и недостатках».

Внутриполитические проблемы отнимали много времени у Насера. Но не забывал он и внешнеполитических вопросов. Враг стоял на берегах Суэцкого канала, занимал Синайский полуостров и сектор Газа, сирийские Голанские высоты и Западный берег реки Иордан. Сплочение арабов в единый кулак, способный заставить агрессора освободить захваченные земли, стало после 1967 года главной линией внешнеполитической деятельности Насера.

Война 1948 года в Палестине, в которой принимал участие Насер, не только показала всю гнилость монархического режима в Египте, но и привлекла его внимание к трагедии палестинского народа.

«Я часто спускался с высот звездного неба на землю с ощущением, что фактически защищаю свой дом и своих детей,— писал Насер в «Философии революции».— Для меня тогда не имели никакого значения ни мои мечты, ни столицы, ни государства, ни народы, ни история. Мои чувства просыпались, когда во время скитаний мне приходилось встречаться с детьми беженцев, потерявших свои дома, имущество и попавших в кольцо осады. Особенно отчетливо я помню молодую девушку такого же возраста, как и моя дочь. Я видел, как, гонимая голодом и холодом, пренебрегая шальными пулями и другими опасностями, она выбегала на поиски корки хлеба или жалкой тряпки. Я всегда говорил себе: «То же самое может случиться и с твоей дочерью». Я считаю, что все произошедшее в Палестине могло — да и сейчас еще может — случиться в любой стране нашего района, если мы смиримся с фактором силы, господствующим здесь в настоящее время».

Трагедия палестинцев стала для Насера кровным делом, и в начале 60-х годов он предпринял шаги с тем, чтобы консолидировать силы палестинцев и организовать их. С его помощью создается палестинская организация «Фатх», а в 1964 году и Организация освобождения Палестины. Ответственность за решение палестинской проблемы взял в свои руки сам палестинский народ, пользовавшийся поли-

тической и материальной поддержкой Насера. Палестинское движение сопротивления после 1967 года превратилось в массовое движение, охватившее своим влиянием широкие слои палестинского народа не только на оккупированной территории, но и палестинцев, живущих в других арабских странах. Насер и в это сложное время военной конфронтации с Израилем внимательно следил за тем, как развивается борьба палестинцев за свои права, какую форму она принимает.

В сентябре 1970 года в Иордании вспыхнул вооруженный конфликт между официальными властями и палестинцами. Здесь не место говорить о его причинах. Скажем только, что эти столкновения, естественно, ослабляли арабов и радовали их врагов. В оккупированном Иерусалиме отрабатывался окончательный вариант американо-израильского вмешательства в иорданский кризис.

В этот момент Насер прилагал все усилия, чтобы прекратить бессмысленное кровопролитие. По его инициативе в Каире собралось совещание глав и правительств арабских государств, и Насер проводил большую кропотливую работу, чтобы сгладить противоречия и погасить вооруженные столкновения. Этот неутомимый, сутуловатый, с поседевшими висками человек трудился днем и ночью, не считаясь с возможными опасными последствиями для его сердца — ведь в сентябре 1969 года он уже перенес приступ эмболии.

27 сентября в отеле «Хилтон» в Каире состоялась встреча руководителей арабских стран. Король Хусейн находился в одном конце зала. Замотанный в коричневую абу саудовский король Фейсал — в другом. Недалеко от него стоял взволнованный Ясир Арафат. Вскоре в зал вошел Каддафи и занял место рядом с Арафатом.

— Ваше величество! Не желаете ли вы провести в этом зале операцию по разоружению... король Хусейн с пистолетом, Ясир Арафат с пистолетом, полковник Каддафи с пистолетом... Атмосфера слишком напряжена,— заметил Хейкал саудовскому королю.

— Не беспокойтесь,— сказал вошедший в зал Насер.— Я займу место под дулами пистолетов.

Заседание проходило при закрытых дверях, и

вечером того же дня был готов текст документа, который положил конец кровопролитию. Насер работал допоздна, в 12 часов ночи Хейкал позвонил Насеру и сообщил ему о послании премьер-министра Англии Хита, полученном от английского посла в Каире Бомонта, в котором шла речь об освобождении семи палестинцев, задержанных в разное время в Англии, ФРГ и Швейцарии.

В 8.30 утра 28 сентября Насер собирался ехать в аэропорт для проводов эмира Кувейта. Спустившись в первый раз на лифте, установленном в его двухэтажной резиденции, он завел беседу с государственным министром Сами Шарафом о своем отпуске, в который намеревался уйти после бесконечных бессонных ночей и бесчисленных встреч и переговоров с главами арабских государств. Во время проводов эмира Кувейта Насер выглядел утомленным, однако держался со свойственным ему самообладанием. Проводив кувейтского эмира, он сел в машину и сразу же сказал Сами Шарафу, чтобы тот срочно вызвал к нему домой врача. По возвращении в резиденцию президент поговорил несколько минут с членами семьи и внуками и, отказавшись от обеда, направился в спальню.

Доктор Сауи, осмотрев президента, нашел его состояние «критическим» и срочно попросил пригласить доктора Мансура Файеза и доктора Заки эр-Рамли. Между тем президент выпил приготовленный его супругой апельсиновый сок. После предварительного обследования доктор Файез пришел к выводу, что состояние здоровья президента тяжелое, однако на вопрос супруги президента ответил, что «все обойдется».

Президент наблюдал за всеми действиями доктора Сауи, оказывавшего ему помощь. Около пяти часов вечера казалось, что все идет к лучшему. Пульс начал выравниваться. Президент поговорил с врачами. Это было в 16 часов 55 минут местного времени.

Доктор Файез, который навещал своего пациента в «исключительных случаях», настоятельно потребовал от президента, чтобы он взял продолжительный отпуск.

— Прежде чем пойти в длительный отпуск, я должен посетить зону Суэцкого канала. Там в на-

стоящее время находятся все министры правительства, и они останутся там среди солдат в течение двух дней.

Президент протянул руку и включил приемник, чтобы послушать вечернюю передачу последних известий. Доктор Файез направился в другую комнату, чтобы сообщить супруге президента, что состояние больного улучшается и оснований для беспокойства нет.

Прослушав передачу каирского радио, Насер сказал, что он не услышал в последних известиях того, что ожидал услышать. Доктор Сауи посоветовал президенту отдохнуть.

— Не стоит, доктор Сауи, я уже отдохнул,— сказал президент, закрыл глаза, и его рука, находившаяся на груди, медленно сползла на постель. Это были его последние слова.

Через час в резиденции Насера собрались Анвар Садат, Хусейн аш-Шафии, Али Сабри, Шаарауи Гомаа, Мухаммед Фавзи, Амин Хусейни, Сами Шараф и Хейкал. Выразив соболезнование его супруге, они покинули комнату покойного президента и спустились на первый этаж его дома, где раньше в узком кругу проводились совещания.

— Что теперь делать? Что ты предлагаешь? — спросил Анвар Садат, обращаясь к Хейкалу.

— По моему мнению, необходимо созвать заседание Высшего исполнительного комитета Арабского социалистического союза, как самого главного политического органа, и кабинет министров, как самый главный орган исполнительной власти, а затем созвать совместное заседание Высшего исполнительного комитета и кабинета министров,— ответил Хейкал.— С этого надо начинать.— Затем добавил: — Лучшее, что мы можем сейчас предпринять, чтобы почтить его память, это делать все так, как он определял и советовал. Продолжение — это единственный надежный путь преодоления препятствий.

Гроб с телом Насера был доставлен на вертолете из его небольшого двухэтажного дома в районе аль-Маншият аль-Кубра на нильский о. Замалек, в здание, где сразу после революции 1952 года находился Совет революционного командования. Здесь было все символично: дом, где жил и умер

Насер, находился рядом с дворцом свергнутого короля Фарука, куда президент отказался переехать, несмотря на настойчивые уговоры и советы своих коллег, а бывшее здание Совета революционного командования было в июле 1952 года штабом восставших офицеров, откуда Насер руководил выступлением армии против королевской тирании.

Пушечный лафет с телом Насера, покрытым национальным знаменем, медленно влекла восьмерка лошадей по новому мосту через Нил к площади ат-Тахрир. На крутом вираже при повороте на набережную Корниш лафет опасно накренился, и десятки рук протянулись в его сторону. С этого момента гроб уже несли на руках ближайшие соратники Насера — Хусейн аш-Шафии, Закария Мохи эд-Дин, Али Сабри, Халед Мохи эд-Дин и другие. Среди них был и Мухаммед Анвар Садат.

Насера похоронили в мечети, которая была построена на народные средства. Пользующийся огромным авторитетом в народе, Насер получал от египтян по почте или через банк небольшие суммы денег: простые египтяне таким, пусть примитивным, но понятным и доступым им способом выражали свою поддержку его идей и стремления сделать Египет сильным и независимым государством. Эти средства приходовались на специальном счету в государственном банке Египта, а затем на них была построена мечеть недалеко от спортивного клуба Гелиополис. Она была закончена к моменту смерти Насера и стала его усыпальницей.

В эти скорбные для египетского народа дни в Каир вылетела советская партийно-правительственная делегация во главе с А. Н. Косыгиным.

Вечером 1 октября 1970 года по каирскому радио и телевидению выступил А. Н. Косыгин. «Воздавая должное заслугам президента Насера, в знак глубокого уважения к нему, Центральный Комитет Коммунистической партии Советского Союза, Президиум Верховного Совета СССР, Советское правительство и весь советский народ послали нас в Объединенную Арабскую Республику,— говорил А. Н. Косыгин.— Мы находимся здесь, в вашей стране, и вместе с вами переживаем горечь утраты. Ушел из жизни человек, отдавший всего себя делу

борьбы народа за национальное освобождение, за его равноправное положение в мире, за укрепление независимости, процветание и прогресс вашего государства. Гамаль Абдель Насер был и навсегда остался в памяти людей как несгибаемый борец за национальное достоинство и честь своего народа. Этому делу он отдал все свои силы и энергию, свой ум и разносторонние способности государственного деятеля».

Десять лет после Насера

Куда ведут «открытые двери»

16 октября 1970 года президентом Египта стал Мухаммед Анвар Садат.

В 1978 году Садат опубликовал свои мемуары, озаглавленные «В поисках самого себя». Переведенные на многие языки, они стали известны в других странах. Заявления Садата о своих политических убеждениях, о симпатиях к Гитлеру и Муссолини шокировали многих. Но это было потом, спустя несколько лет после смерти Насера. А пока все оставалось прежним.

Садат утверждал, что он является прямым продолжателем дела Насера, что удовлетворение нужд трудящихся масс Египта на пути социализма так, как понимал его Насер, отвечает интересам народа и целям государственного строительства. Более того, беседуя в марте 1971 года с корреспондентом газеты «Фигаро», Садат заявил: «...Если у человека нет никаких комплексов, то ему легко продолжать начатое дело. Я же не страдаю никакими комплексами. Как я уже вам сказал, мы были друзьями (с Насером.— О. Г.) с девятнадцати лет, больше, чем друзьями, братьями. Я хорошо знал его мысли, и он хорошо знал мои. Следовательно, мне очень легко, ведь я продолжаю...»

Высказывания Садата по проблеме ближневосточного урегулирования и отношений с США и СССР были также конкретны и полны здравого смысла.

«Мы считаем, что у США есть в этом районе три цели»,— заявил он в Народном собрании 11 ноября 1971 года.

«1. Вытеснение из этого района Советского Союза. Мы же видим в СССР друга в войне и друга в мире.

2. Отдаление Египта от арабской нации. Мы не можем принять этого с исторической точки зрения, так как Египет является и всегда будет частью арабской нации.

3. Нанесение удара по эксперименту построения социалистического общества в Египте. Мы верим в наш путь развития и пойдем по нему до конца».

Более подробно говорил Садат о советской поддержке Египта перед рабочими Хелуана 1 мая 1971 года. И это понятно: авторитет первого в мире государства рабочих и крестьян был высок среди трудящихся Египта, и Садат не мог этого не учитывать. Он рассказал о помощи СССР в строительстве Асуанской плотины, о поддержке СССР арабских народов в Совете Безопасности и на Генеральной Ассамблее ООН, о поставках советских ракет в начале 1970 года, сорвавших планы Израиля по бомбардировке глубинных районов страны, о подписанных уже после смерти Насера соглашениях с СССР, о советском содействии в осуществлении пятилетнего плана электрификации сельских районов Египта. Под грохот аплодисментов Садат закончил свою речь следующими словами:

«Советский Союз оказывал и оказывает нам поддержку политического, военного и экономического характера. Советский Союз оказывает нам поддержку, не выдвигая никаких условий. За границей ходят слухи о том, что Советский Союз стремится «советизировать» нашу страну и ее экономику. Но все это неверно. Советский Союз является честным и верным другом».

Действия Садата и других членов египетского руководства в тот период соответствовали его дружественным заявлениям в отношении нашей страны. 27 мая 1971 года Садат подписал Договор о дружбе и сотрудничестве между СССР и Египтом. В преамбуле к этому документу прямо говорилось, что обе стороны пошли на этот шаг, «воодушевленные идеалами борьбы против империализма и колониализма, за свободу, независимость и социальный прогресс» и «движимые стремлением закрепить и упрочить традиционные отношения искренней

дружбы между обоими государствами и народами».

3 июня 1971 года Садат заявил в Народном собрании: «Западные круги пытались вызвать изменения в нашей политике, надеясь, что наша дружба с Советским Союзом — временный фактор, не больше чем тактический маневр. Я хочу заверить, будучи уверенным в том, что выражу вашу волю и волю всех наших народных масс: «Дружба с теми, кто помогает нам вести борьбу и добиваться победы,— это не временная дружба и не тактический маневр. Наша дружба с теми, кто помогает нам развивать нашу экономику и создавать современное государство,— не преходящий фактор. Наша дружба с теми, кто помогает нам бороться и строить,— это дружба всех этапов, это наша твердая стратегическая линия».

Эти и другие высказывания Садата как будто свидетельствовали о том, что он будет продолжать дело Насера внутри страны, его внешнеполитическую линию как в вопросах ближневосточного урегулирования, так и развития дружбы с Советским Союзом. Правда, в его речах уже тогда мелькали идеи, свидетельствовавшие о желании внести коррективы во внутреннюю политику под предлогом исправления «ошибок», о которых говорил Насер. Садат утверждал, например, что сразу после смерти из сейфа покойного президента исчезли личные дневники Насера, «в которых содержались указания на ошибки, нуждающиеся в исправлении». Люди, работавшие с Насером и близко его знавшие, утверждают, что покойный президент действительно вел нечто подобное дневнику. Кто мог «похитить» личный архив Насера, до сих пор остается тайной. Личные бумаги Насера исчезли и до сих пор не обнаружены. Ясно, что к этому приложили руку те, кто был заинтересован в том, чтобы они остались за семью замками, не были известны египетской общественности.

13 мая 1971 года на встрече с офицерами базы ВВС в зоне Суэцкого канала Садат объявил о том, что «в ближайшее время в стране произойдут важные изменения. Наряду с новым законом о десеквестрации будет объявлена новая конституция». Речь шла об отмене секвестра на собственность 140 семей крупной и средней буржуазии, нало-

женного Насером в связи с тем, что их представители тормозили проведение прогрессивных реформ внутри страны. Добавим к этому, что еще в феврале 1971 года Садат вернул землю 800 крупным помещикам и объявил о денежной компенсации 5 тысячам землевладельцев за отобранную у них землю.

Вечером 13 мая 1971 года Садат объявил по радио и телевидению о реорганизации Арабского социалистического союза и удалении со всех государственных и партийных постов видного члена организации «Свободные офицеры» Али Сабри, а также Шаарауи Гомаа, Сами Шарафа и других — им было предъявлено обвинение в организации заговора и противодействии созданию Федерации арабских республик в составе Египта, Сирии и Ливии. Трудно судить об истинных причинах смещения этих деятелей, бывших в числе ближайших сподвижников Насера. Здесь могло сыграть свою роль и личное соперничество, и начавшаяся поляризация сил в руководстве Египта после смерти Насера. Покойный президент, пользовавшийся огромным авторитетом, сдерживал своих коллег из «Свободных офицеров», придерживавшихся различных, часто противоположных взглядов и идей, и твердо направлял их деятельность в одном направлении. Многие из его ближайших сподвижников по революции 1952 года, разойдясь с ним во взглядах, сами ушли со своих постов, либо были уволены в отставку, либо затаились до поры до времени.

Насер не поднялся до глубоких классовых оценок событий, происходящих в египетском обществе. Он считал, что египетское общество цементируют националистические устремления и идеи ислама. Между тем в городе и деревне росла и развивалась новая буржуазия, которая считала, что рабочие и «продавцы редиски и салата», как они именовали простых египетских феллахов, не могут и не должны управлять государством. Было немало офицеров, которые, получив теплые местечки в руководстве национализированных компаний, банков и предприятий государственного сектора, скоро поняли все выгоды занимаемого ими положения и постепенно, исподволь, стали округлять свои личные капиталы, приобретать фермы, доходные дома и

магазины, становиться пайщиками в частных акционерных компаниях. Буржуазное болото засасывало прочно и основательно. А отсюда было рукой подать до пересмотра основных принципов египетской революции.

В конце 1973 года был подготовлен так называемый Октябрьский документ. Садат не отрицает, что этот документ был написан им, причем на одном дыхании. В развитие этого документа был принят ряд законов, которые ознаменовали начало принципиально нового пути в развитии Египта. Этот новый путь получил арабское название «инфитах», или политика «открытых дверей и экономической либерализации».

Ограничивать «инфитах» только экономической сферой будет большой ошибкой. Египетский журналист и писатель Ихсан Абдель Куддус, считавшийся одно время рупором нового египетского руководства, называет «инфитах» даже новой эрой. «Срочные меры, принимаемые для вступления в эру «инфитаха», имеют, как представляется, не столько производственный, сколько политический характер,— писал он.— Они означают отступление от социализма и навязывание капитализма. Это сближение с США и бойкотирование Советского Союза, это переход государственной власти в руки владельцев капитала и отстранение от власти рабочих и крестьян. Это, наконец, иностранная экономическая оккупация». Яснее не скажешь! Ставилась цель пересмотреть положения, на которых базировалась внутренняя и внешняя политика Насера.

Октябрьский документ определил «инфитах» как «предоставление всех гарантий капиталам, вложенным в развитие экономики». Серьезные экономические проблемы всегда стояли перед Египтом, и сейчас новая политика преподносилась египтянам как панацея от всех экономических бед, как средство обеспечения экономической стабильности и ликвидации социальных противоречий.

Кому и от чего даются вышеуказанные гарантии? Официальные деятели разъясняют: местным и иностранным инвеститорам, но прежде всего местным. Даются гарантии от того, что кто-либо или что-либо встанет на пути «свободы экономического движения» капиталов.

Итак, все ясно. Поощрение инвестиций иностранного и местного капитала без всяких условий и препятствий, устранение всех барьеров на пути частного предпринимательства. Не нужно быть большим экономистом, чтобы разгадать смысл новой экономической политики египетского режима, ее угрозу основным завоеваниям египетской революции.

В июле 1974 года был опубликован закон об иностранных инвестициях. Им открылся доступ в промышленность, горнодобывающий сектор, банки, страховое дело. А ведь эти отрасли были полностью национализированы и переданы государственному сектору! В целях содействия экономической активности иностранному капиталу предоставили политические, экономические, финансовые и таможенные льготы. Сегодня иностранный капитал осуществляет свою деятельность вне государственного плана развития, не подлежит национализации. В условиях земельного голода иностранцам предоставлено право владеть сельскохозяйственными землями. Международные организации и компании, занимающиеся, например, развитием зоны Суэцкого канала, освобождены от всех налогов. Так произошло ущемление национального суверенитета и отход от законов, принятых во времена Насера.

Одновременно с разрешением иностранных инвестиций была дана свобода местному капиталу. Он получил возможность развиваться качественно и количественно, вглубь и вширь. Ведь нельзя же иностранцам предоставлять больше льгот, чем местным капиталистам! Местные дельцы получили разрешение на импорт товаров, причем даже без перевода валюты, что фактически означало противозаконное разбазаривание национальных богатств. За один только год — с июня 1974-го до июля 1975 года — было выдано лицензий на импорт товаров на 270 миллионов египетских фунтов, что превышает стоимость импортированных Египтом товаров за несколько предшествовавших лет.

Вместе с некоторыми видами сырья, оборудования и средств производства стали ввозиться и потребительские товары. Возник «черный рынок», на котором действуют многочисленные посредники — «жирные коты». В их липкие руки попадают

огромные барыши. В Египте в 1975 году, по официальным данным Налоговой комиссии, было 500 миллионеров, сумевших сколотить капитал за пять лет пребывания у власти Садата. При монархическом режиме их было только четыре.

26 июля 1975 года был принят закон о ликвидации генеральных организаций государственного сектора, и теперь любой египтянин мог купить акции торговых и промышленных компаний. Любой — это слишком обще сказано. Только богатый египтянин, который имел свободные деньги и желание вложить их в дело.

С ликвидацией генеральных организаций был уничтожен орган, с помощью которого государственный сектор осуществлял координацию своей деятельности и контроль над нею. Таким образом, кануло в прошлое подчинение экономических единиц государственного сектора системе централизованного планирования.

Новое направление экономической политики захватило и египетскую деревню. В 1974 году была разрешена продажа с аукциона освоенных земель, кроме тех участков, которые арендуются крестьянами и переходят в их собственность. Покупатель был ограничен лишь одним условием — земельная собственность его семьи не должна превышать 100 федданов[1]. В 1975 году принят закон об изменении отношений между владельцами и арендаторами. Сразу же повысилась арендная плата, землевладельцы получили право сгонять арендаторов с участка, если они по истечении двух месяцев с окончания сельскохозяйственного года не вносили арендную плату, была разрешена издольщина. Экономические меры сопровождались социальными: сельские комитеты по спорным земельным вопросам были ликвидированы. Эти комитеты, приближенные к крестьянам, быстрее выносили решения и оказывали услуги бесплатно. Полномочия сельских комитетов переданы обычным судам, где право всегда было на стороне имущих.

Решение экономических проблем каждой освободившейся страны, в том числе и Египта, представляет собой развитие процесса, который в ко-

[1] Один феддан = 0,42 га.

нечном счете должен привести к экономическому и социальному прогрессу, к росту материального благосостояния большинства народа. Эти проблемы решались на пути некапиталистического развития при жизни Насера, хотя и в то время было немало трудностей.

Сегодня египетское руководство пытается решить острые проблемы путем политики «открытых дверей и либерализации». Садат поспешил объявить, что новая экономическая политика поможет обеспечить экономическую стабильность, снять социальные противоречия. А так ли это? Ведь еще в Хартии национальных действий, принятой в 1962 году, прямо говорится, что «развитие по капиталистическому пути может, с политической точки зрения, привести лишь к укреплению власти имущего класса, осуществляемой в его интересах и ради его монополии. При этом доход от общественного труда достается горстке людей, у которых скапливается количество денег, позволяющее этим людям купаться в роскоши... Это ведет к обострению классовой борьбы и кладет конец всем надеждам на демократическое развитие».

С момента принятия основных решений, означавших начало нового этапа в жизни Египта, прошло пять лет. Срок достаточный, чтобы подвести некоторые хотя бы промежуточные итоги.

Население Египта сегодня составляет 42 миллиона человек.

Ежегодно оно увеличивается на один миллион человек, а в 1978 году прирост составил даже 1 миллион 200 тысяч. Главной «кузницей детей» является сельская местность. В египетской провинции многодетные семьи являются правилом, и все призывы властей сократить рождаемость наталкиваются не только на традиционные мусульманские представления. Один многодетный крестьянин, живущий в деревне близ пирамид в Саккаре, с которым я говорил в 1975 году, прямо ответил: «Власти лишили нас всех радостей жизни. Мы голодаем, болеем, живем в домах, похожих на стойла буйволов. Так оставьте нам хотя бы радость иметь детей. Не отнимайте у нас этого».

Аграрное перенаселение переходит в городское. Это видно на примере Каира, куда ежедневно при-

бывает из деревни несколько тысяч человек. Сегодня эти пришельцы составляют до 10 миллионов человек, или 56 процентов городского населения. Если повезет, они становятся уличными разносчиками, чистильщиками обуви, сторожами, нанимаются прислугой. А чаще всего это просто безработные, перебивающиеся несколькими пиастрами в день, на которые часто даже нельзя купить целую лепешку.

Городское перенаселение создает огромные трудности. Из окна своего номера в старой гостинице в центре Каира «Континенталь-Савой» я наблюдал в 1960 году жизнь на крыше здания нескольких семей с козами и курами. В 1976 году население этой крыши, по моим подсчетам, увеличилось вдвое, на ней стало теснее, исчезли козы и клети с курами — людям просто негде было спать. Городской транспорт в Каире работает с невероятным напряжением. Автобусы набиты людьми. Люди висят на подножках, бамперах автобусов и трамваев и даже друг на друге.

Решение этих проблем сталкивалось с большими трудностями еще во времена Насера. Решение же их сегодня в Египте просто невозможно.

По данным министерства планирования, лишь 9,7 миллиона египтян имели в 1978 году постоянную работу, 1 миллион 800 тысяч работали в других арабских странах. Только в Ираке работает 250 тысяч египтян. В Саудовской Аравии им поручается самая черная работа. Они работают дворниками и уборщиками практически во всех городах побережья Красного моря. Решение проблемы занятости проводилось при Насере за счет интенсивной индустриализации, за счет перенасыщения рабочей силой предприятий и государственных учреждений. В Египте на строительстве зданий не было видно подъемных механизмов, и не только потому, что их использование дороже, чем дешевые рабочие руки. Насер считал, что лучше дать работу 50 безработным, которые, как муравьи, таскают на плечах кирпичи и раствор на головокружительную высоту, чем поставить один кран и увеличить деклассированное городское население, которое скапливается на пустырях, живет на крышах, в склепах Мертвого города близ холма Мукаттам и обостря-

ет без того драматическую ситуацию. Решить проблему занятости сегодня на путях частного предпринимательства просто невозможно.

Политика «либерализации» затронула средние слои населения, которые имеют фиксированную зарплату. На протяжении последних лет цены на продовольствие и товары первой необходимости растут на 25—30 процентов в год. Доход в 100 египетских фунтов в месяц получает лишь небольшая прослойка государственных служащих и квалифицированных специалистов. Порой специалист с дипломом университета получает лишь 20—25 египетских фунтов в месяц. Эта зарплата не позволяет ему жениться, купить жилье — ведь первый взнос за двухкомнатную квартиру в новом доме достигает 5 тысяч египетских фунтов. Эту сумму он сможет собрать в течение... 20 лет, если не будет тратить ни пиастра!

Прожиточный минимум в Египте, по официальным данным, составляет 40—50 египетских фунтов в месяц. Эту «неплохую зарплату» имеют полмиллиона египтян, работающих в государственных учреждениях и предприятиях государственного сектора. Квалифицированные рабочие получают от 12 до 25 египетских фунтов в месяц. Но как можно прожить с семьей на такую зарплату, если в середине 1979 года килограмм бобов стоил 0,35 фунта, килограмм субсидированного дешевого мяса — 1 фунт, а пачка сигарет — 0,3 фунта!

Пришедший из деревни бедолага, намотавшийся на строительстве или в поисках случайного заработка, с наступлением сумерек падает от усталости на теплый тротуар и засыпает мертвым сном. Он не доходит до понимания причин своего ужасного положения, хотя и сознает весь драматизм сложившейся ситуации. Средние слои населения и рабочие, которые имеют небольшой, но постоянный доход, чаще всего задумываются над своим положением. Они видят «жирных котов» в европейских костюмах от Диора и Пьера Гардена, посещающих злачные места, где одна бутылка виски стоит в четыре-пять раз больше, чем месячная зарплата египетского рабочего. Видят роскошные автомашины американских и западноевропейских марок, равные по стоимости всей зарплате рабочих целого

предприятия. Именно в этой среде зреют оппозиционные настроения, поскольку интеллигенты и рабочие достаточно грамотны, чтобы выявить причинную связь между мерами правительства и своим бедственным положением, понять разницу между трескучей пропагандой официальных властей и своими жизненными неурядицами. Именно в этой среде и созрели гроздья народного гнева, который выплеснулся через край в январе 1977 года.

17 января 1977 года началась забастовка рабочих нескольких предприятий промышленного пригорода Каира — Хелуана. Поводом для забастовки послужило решение властей сократить субсидии для поддержания цен на продукты питания и предметы первой необходимости в угоду западным кредиторам, требующим «оздоровить» египетскую экономику.

Против рабочих Хелуана, направившихся в Каир, были выставлены полицейские кордоны. Чтобы рассеять демонстрацию, полицейские применили слезоточивый газ. В ответ в них полетели камни. В поддержку рабочих в Каире начались демонстрации студентов трех столичных университетов. Движение городского транспорта было парализовано, закрылись лавки и магазины. Рабочие ряда предприятий Каира прекратили работу в знак солидарности с бастующими рабочими Хелуана.

18 января в Каире и по всей стране с еще большим размахом, чем в первый день, бушевали демонстрации. Горели баррикады и отдельные здания в районе Баб эль-Хальк, площадей Рамзеса, ат-Тахрир и Моски. Пылали бензоколонки и груды старых автопокрышек на железной дороге Каир — Александрия, Гиза — Верхний Египет, разгромлены некоторые полицейские участки. Были построены баррикады и прервано железнодорожное сообщение между Каиром и другими городами страны. На многих участках железных дорог разрушены шпалы и мосты. В районе железнодорожной станции Эмбаба близ Каира против демонстрантов были использованы броневики. «Народная вспышка в нашей стране немедленно превращает тех, кто сидит на мешках с золотом, в сидящих на пламени костра»,— писал в газете «Аль-Ахрам» старейшина египетской литературы Тауфак аль-Хаким.

Египетская федерация труда 19 января распространила заявление, в котором осудила решение правительства поднять цены на товары первой необходимости. Премьер-министр Египта Салем встретился с руководителями профсоюзов и не придумал ничего лучшего, как отвергнуть их обращение к правительству. Салем пытался обвинить рабочих в актах вандализма, однако руководители профсоюзов резонно заявили, что рабочие, которые создают своими руками материальные ценности, не могут принимать и не принимают участия в бессмысленных разрушениях.

В Александрию войска были введены 18 января ночью. Они заняли позиции в городе и пытались предотвратить демонстрации. Завязались настоящие бои населения с войсками и полицией. Было убито и ранено 250 человек, из них четвертая часть — солдаты и полицейские. Газеты, радио и телевидение хотя и обращались к населению с призывами к спокойствию, но не решались повторить домыслы официальных властей насчет деятельности «подрывных коммунистических элементов». Ведь размах народных выступлений был таков, что признать роль коммунистов означало бы отождествить их с широкими слоями народа.

19 января демонстранты, окружившие здание Народного собрания, требовали отмены политики «открытых дверей», ввергнувшей страну в глубокий экономический кризис. «Нам все равно, от чего умирать, от голода или от пуль!», «Мы живем все хуже и хуже!», «Пусть расплачиваются богачи!», «Долой эксплуатацию и нищету!» — скандировали рабочие, служащие, студенты, заполнившие улицы и площади центра Каира. Многие несли портреты покойного президента Насера.

Делегация из числа демонстрантов в составе 15 человек потребовала встречи с руководителями Народного собрания. Представители демонстрантов, сообщает газета «Аль-Ахбар», заявили заместителю председателя Народного собрания Али Сайеду, что решения и политика правительства подрывают принципы, завещанные Насером, и что Народное собрание не выражает воли народа, начав распродажу имущества государственного сектора, созданного покойным президентом.

Как сообщило египетское агентство МЕН, премьер-министр АРЕ Салем, днем раньше защищавший экономическую политику своего правительства, ввиду размаха народных волнений был вынужден заявить, что ранее объявленные меры по сокращению субсидий для поддержания приемлемых цен на продукты питания и предметы первой необходимости «приостановлены» и будут вновь рассмотрены Народным собранием. Это была первая победа трудового Египта.

Печать подводит итоги драматических январских событий. Газета «Аль-Ахрам» сообщает, что в ходе столкновений демонстрантов с полицией в различных городах было убито 43 и ранено более 600 человек, в том числе в Каире погибло 29 человек, а 267 получили тяжелые ранения.

Волнения охватили не только столицу и Александрию. Народные демонстрации бушевали в Суэце, Минии, Асьюте, Кене, Асуане и других крупных городах. В Мансуре демонстранты разрушили фасады зданий муниципалитета, подожгли помещение отделения службы безопасности и дом губернатора.

Египетские власти, пытаясь отвлечь внимание от подлинных причин взрыва народного возмущения, подменили их утверждениями о «подстрекательстве» неких «марксистских элементов». Буржуазная печать приводила инспирируемую правящими кругами версию о «заговоре коммунистической рабочей партии Египта», которой упорно приписывается намерение «сжечь Каир». Даже близкая к правительству газета «Аль-Гумхурия» вынуждена признать, что никогда еще каирское радио не развертывало такой ожесточенной антикоммунистической кампании. Оправившись от первоначальной растерянности, органы пропаганды повели концентрированную антикоммунистическую кампанию, пытаясь возложить ответственность за прошедшие массовые народные демонстрации на «коммунистов-подстрекателей и приверженцев Насера». Министерство внутренних дел сообщило, что, помимо лиц, схваченных непосредственно во время демонстрации, органы безопасности Египта провели аресты прогрессивных деятелей прямо на квартирах. По указанию руководителей духовенства антикоммуни-

стические проповеди были прочитаны во всех мечетях Египта.

Чувствуя, однако, неубедительность версий о «подстрекателях», газеты пытаются находить и другие объяснения. Для всех ясно, что с прекращением народных волнений и с отменой решения правительства о повышении цен ни экономический, ни политический кризис в стране не урегулирован и новые вспышки стихийного народного гнева будут иметь место и в дальнейшем, так как правительство даже не пыталось предпринять меры для изменения сложившегося положения.

Политика «открытых дверей» и ее последствия явились причиной серьезных сдвигов в моральной ориентации египетского общества, в целом отличающегося, как везде на Востоке, слабой социальной мобильностью. Известный египетский прогрессивный деятель Фуад Мурси писал в декабрьском номере журнала «Ат-Талиа» за 1975 год следующее: «Крупная паразитическая буржуазия ежедневно насаждает в обществе коррупцию и разложение. В Египте она видит арену для спекулятивной деятельности, создает экономику сделок и комиссионных, общество взяточничества и продажности».

Общий рост преступности в Египте в последние годы составил 40 процентов. Даже госдепартамент США в своем ежегодном отчете о соблюдении прав человека отмечал, что в Египте взяточничество стало повседневным и обычным явлением. Я вспоминаю беседу в Каирском аэропорту с одним американским бизнесменом, который уезжал домой раздраженный от тех неурядиц и злоупотреблений служебным положением, с которыми столкнулся в египетских государственных учреждениях.

— Нужно дать взятку швейцару, который открыл тебе дверь. Секретарю, который доложил о тебе начальнику. Канцеляристу, который принял документ и поставил на нем входящий номер. Я давал взятку телефонисту, чтобы меня быстрее соединили с фирмой в США. Египтяне считают, что им нужно давать деньги уже потому, что они бедны и не имеют средств к существованию.

В этих рассуждениях рассерженного американца, который отправился в Египет пожинать плоды поли-

тики «открытых дверей», много наносного и несправедливого. Я знаю египтян, этих простых, жизнерадостных людей, сохраняющих оптимизм в условиях, когда другие бы давно растерялись от жизненных невзгод и неурядиц. Они впитали в себя мудрость древности, привыкли с философским спокойствием относиться к жизни и верить в лучшее будущее. Конечно, злоупотребление служебным положением, вымогательство и взяточничество требуют осуждения.

Данные Египетского национального центра социальных и уголовных исследований показывают, что 73 процента расходов государственных служащих превышают их официальные доходы. А дело в том, что рост цен на продукты питания и товары первой необходимости вынуждает клерка или мелкого чиновника закрывать брешь в семейном бюджете за счет сумм, полученных путем вымогательства и взяток.

Но этот социальный порок распространен не только среди баввабов и мелких чиновников. Взятки берут все, даже члены правительства и руководители провинциального масштаба.

Газета «Интернэшнл Геральд трибюн» 27 октября 1978 года писала о деле бывшего заместителя премьер-министра АРЕ А. Султана, получившего от американской «Вестингауз электрик корп.» 332 тысячи долларов за подписание контракта на поставку электротехнического оборудования на 30 миллионов долларов. Заметьте, примерно 10 процентов от общей суммы сделки. То есть ровно столько, сколько берут частные маклеры за продвижение товаров той или иной фирмы на рынок своей страны. Американская фирма «Боинг» сбыла в Египет с помощью министра гражданской авиации Нуха самолеты с бракованными двигателями. Об этом писала газета «Аль-Ахбар» 21 января 1979 года.

Волна служебных злоупотреблений, как раковая опухоль, охватывает все более широкие слои государственных служащих. Арабы из других стран, которым довелось посетить Египет этих дней по делам своих фирм или учреждений, утверждают, что взятки берут полицейские, таможенные чиновники, служащие госбанка, почты и телеграфа, контролеры и инспекторы государственных компаний, пре-

подаватели средних школ и высших учебных заведений. Как бы подтверждая эти сведения, газета «Аль-Ахрам» писала 3 февраля 1979 года, что начальник одного из полицейских управлений Каира получал 600 египетских фунтов за каждый выданный им заграничный паспорт. Та же газета 1 апреля 1979 года сообщала, что кладовщик склада арматурного железа в порту Александрия брал 20—40 египетских фунтов за выдачу железа сверх нормы.

Ежегодно в Египте раскрывается до 2000 случаев хищений государственных средств — на десятки миллионов египетских фунтов. Вот только некоторые факты, приводимые в печати:

— директор молодежного центра в Каире присвоил 212 тысяч египетских фунтов, выделенных на реконструкцию центра;

— служащий расчетного отдела Александрийского банка похитил 141 тысячу египетских фунтов в инвалюте и скрылся за границей;

— шестеро служащих государственной табачной компании путем пересортицы табака присвоили 185 тысяч египетских фунтов;

— заведующий складом телевизионных фильмов похитил 190 тысяч египетских фунтов. Через месяц после ареста он был выпущен под залог в 50 египетских фунтов и бежал за границу.

Кто хочет получить представление о том, как проводится в жизнь политика «открытых дверей», тому следует совершить поездку из Каира в Александрию по скоростной автотрассе, идущей через пустыню. В 1978 году в районе Америя под Александрией была расчищена площадка под промышленное строительство. Сейчас это место огорожено высоким забором, за которым трудно увидеть признаки какого-либо движения. Кроме возводимой ковровой фабрики, другие предприятия не строятся, и египетская печать уже не раз била тревогу по поводу «обмана общественного мнения», «спекуляции земельными участками» и других махинаций. Увиденная картина живо иллюстрирует тактику местных и зарубежных предпринимателей: каждый стремится огородить полученный участок, забить колышек с названием фирмы, получить лицензию и... ждать лучших времен. К концу 1978 года генеральная организация по арабским и иностранным

капиталам выдала разрешение на строительство объектов общей стоимостью 4,3 миллиона египетских фунтов. Однако, поскольку все проекты смешаны в кучу, определить степень их реализации не представляется возможным. По сведениям английской газеты «Файнешнл таймс» от 30 июля 1979 года, общие частные инвестиции США в Египте в настоящее время достигают всего 16 миллионов долларов, а из других западных стран и того меньше. Иными словами, основной партнер режима Садата не спешит вкладывать деньги в экономику Египта, и тем самым главная цель политики «открытых дверей» — соединить западную технологию и опыт с капиталом из арабских стран на базе трудовых ресурсов Египта — еще слишком далека от реализации.

Однако нельзя сбрасывать со счетов, что некоторые иностранные компании все же проявляют интерес к экономическому сотрудничеству с Египтом. Другой вопрос — приносит ли это пользу народу Египта, способствует ли развитию независимой национальной экономики или, наоборот, все сильнее опутывает слабую экономическую систему хитроумными обязательствами, позволяющими эксплуатировать египтян и выкачивать огромные прибыли? Сегодня в Каире функционирует около 70 банков и ведется строительство 8000 гостиничных номеров класса люкс. Бум в такого рода строительстве дал возможность закрепить свои позиции в Египте международным гостиничным гигантам «Шератон», «Хилтон», «Холидей Инн», «Мэриотт» и др.

Египетское правительство идет по пути создания смешанных с иностранным капиталом фирм и предприятий. Вряд ли следует огульно осуждать все начинания построить с иностранной помощью некоторые объекты. Несколько фармацевтических фабрик, построенных на такой основе еще при Насере в начале 60-х годов, дают добротную продукцию и даже экспортируют ее за границу. Однако сегодня дело складывается совсем по-иному. В большинстве своем иностранный капитал, как, например, фирм «Вилкинсон» или «Унион карбид», составляет от 51 до 75 процентов капитала соответствующих предприятий, иностранные фирмы освобождаются

от налогов на 12 лет и имеют право переводить прибыли за границу. Если к этому добавить, что правительство Египта дало гарантии не национализировать предприятия с участием иностранного капитала, то такое сотрудничество между развитыми капиталистическими странами и Египтом можно назвать одним емким словом — неоколониализм.

Рост безработицы в городе и деревне, беспросветная нужда и отсутствие перспектив на улучшение приводят к росту уголовных преступлений, наркомании и другим социальным порокам. В деревне повсеместно возникают вооруженные банды. Одни из них охраняют помещиков и кулаков, помогают им сгонять с земли неугодных арендаторов или взыскивать недоимки. Другие группы вооруженных крестьян, наоборот, выступают в роли народных мстителей и берутся за оружие, чтобы дать отпор помещикам и их клевретам. В 1978 году в губернаторствах Верхнего Египта было конфисковано 22 234 единицы незарегистрированного стрелкового оружия — на 11 774 единицы больше, чем в 1977 году.

Употребление наркотических средств на Востоке вообще, в том числе и в Египте, не является чем-то из ряда вон выходящим. Каждый египтянин, особенно из простого люда, курит кальян «шишу», куда вместе с крепким табаком сегодня все чаще подмешивают наркотики. В 1978 году было конфисковано 20 тонн наркотических средств. В условиях коррупции Египет становится удобным перевалочным пунктом контрабандного провоза наркотических средств, направляемых в другие страны. В 1978 году в Александрии на греческом теплоходе было конфисковано наркотиков на 15 миллионов долларов, которые предназначались не только для египтян, но и для реэкспорта в США и страны Европы. Египет приобретает сомнительную славу центра реэкспорта наркотиков, в том числе ЛСД.

Мне хотелось бы закончить здесь грустный рассказ о тех издержках, которые несет египетскому народу политика «открытых дверей и либерализации». Перечень этих невзгод можно продолжать до бесконечности. Добавлю, пожалуй, что в сентябре 1979 года официальные власти приняли решение

взимать в валюте таможенные пошлины с импортируемых товаров. Это сразу привело к увеличению цен на потребительские товары и продукты питания. Мой знакомый египтянин, приехавший из Каира в Москву для продолжения учебы, сказал, что даже арбузы, которые год тому назад были по карману бедняку в египетской столице, стали сегодня для него недоступным лакомством.

«Политика открытых дверей и либерализации», проводимая нынешним режимом, не только не решила существующих экономических трудностей. Она привела к еще большей поляризации сил в египетском обществе, к еще большему разрыву между богатством и бедностью, поставила Египет в зависимость от субсидий и подачек США и других западных стран, которые, как показывает опыт, далеко не бескорыстны в своей благотворительности. Ведь известно, кто платит деньги, тот и заказывает музыку. Это забывают нынешние руководители Египта, тщетно пытающиеся оттащить страну от края финансовой и экономической пропасти.

Гримасы «контролируемой демократии»

Правящая в Египте национально-демократическая партия разработала поправки к конституции 1971 года, которые приняты в мае 1980 года. Необходимость таких поправок, с точки зрения существующего режима, назрела давно, так как со времени принятия конституции внутри страны произошли «большие и важные» изменения, которые можно определить весьма коротко: демонтаж политического наследия Насера.

Что же теперь изменено в конституции 1971 года?

Прежде всего исключено из текста упоминание об Арабском социалистическом союзе. «Арабский социалистический союз,— говорилось в конституции,— политическая система, которая посредством своих организаций, основанных на демократических принципах, представляет союз трудовых сил народа в лице крестьян, рабочих, солдат, интеллигенции и национальной буржуазии. АСС является орудием этого союза, призванным укреплять цен-

ности демократии и социализма, осуществлять национальную деятельность в различных областях и направлять ее на достижение намеченных целей». Изъятие указанной статьи об АСС, где четко говорилось о «трудовых силах народа», «ценностях демократии и социализма» и т. д., в значительной степени акт формальный. Ведь еще в 1974 году была начата перестройка политической системы, основы которой были заложены Насером.

В ходе бурных политических дискуссий, которые велись в Египте с 1974 года, представители национальной буржуазии и прежде всего ее паразитической прослойки, толпящиеся в приемных западных монополий и транснациональных корпораций, заявляли, что ни декреты президента, ни даже выработанные и проштампованные парламентом законы не могут гарантировать их интересы. Налицо яркая иллюстрация положения марксистско-ленинского учения — окрепшая буржуазия, имеющая достаточно сил и денег, добивается политической власти, права самой формировать и определять политику государства.

В ходе политических дискуссий АСС — детище Насера — подвергалось критике. Известный своими правыми взглядами египетский журналист Ахмед Абуль Фатх, лишенный при Насере политических прав и реабилитированный Садатом, писал в газете «Аль-Ахбар» 25 января 1976 года: «АСС — это полностью подчиненный режиму административный орган, созданный по приказу правителя, а не на основе народного волеизъявления. В нем объединились насеризм и коммунизм на почве враждебности к политической свободе и демократии... Сейчас наступил удобный случай избавиться от наследства прошлой эпохи... Если бы демократия не была восстановлена в эпоху президента Садата и если бы насеристский режим продолжил свое существование еще некоторое время, то коммунизм был бы близок к завоеванию власти».

Заметьте, в устах правого египетского националиста «насеризм» и «насеристский режим» ставятся на одну доску с коммунизмом и рассматриваются чуть ли не как враги египетского народа и арабской нации. И это спустя пять лет после смерти президента Насера!

Однако главной причиной ликвидации АСС следует считать другую. Новое руководство АРЕ пришло к убеждению, что АСС как политический инструмент был слишком негодным для укрепления его позиций. В Октябрьском рабочем документе, положившем начало ревизии основополагающих документов египетской революции, Садат писал: «Я отвергаю призыв искусственно расщепить национальное единство путем создания партий, но я не согласен также с теорией о единственной партии, которая опекает массы, лишает народ возможности пользоваться политическими свободами. Политическая организация должна быть горнилом диспута, где плавятся противоречивые идеи и выкристаллизовываются различные направления».

В конце 1975 года Садат в качестве председателя АСС выдвинул идею о создании в его рамках нескольких платформ, представляющих различные политические течения. Эта идея в феврале — марте 1976 года получила свое развитие: «комиссия по определению будущих политических действий» рекомендовала создать три политические платформы: правые — центр — левые, что, по мнению идеологов режима, является «обычной расстановкой сил в современном (читай — «западном буржуазном») обществе».

В ходе создания платформ и дискуссий по этому поводу демагогия обильно потекла со страниц каирских газет. Много звонких слов было сказано о многопартийной системе западноевропейского типа, о «контролируемой демократии», необходимости «систематической оппозиции» как условия настоящей демократии и т. д. и т. п. Поверив в демократические лозунги, египетские политические деятели подали более 40 заявок на образование различных платформ. Но, как и следовало ожидать, все они были отвергнуты за исключением трех, призванных, как говорят арабы, «обелить лицо» режима.

Так на политической сцене Египта появились три группировки:

— Организация либералов-социалистов, которым была отведена роль оппозиции справа;

— Организация национально-патриотического блока, объединившая в своих рядах прогрессивную

часть интеллигенции, рабочих и служащих, занявшая место оппозиции слева;

— Арабская социалистическая организация во главе с премьер-министром М. Салемом, которая стала многочисленным конформистским «центром», объединившим большую часть верных режиму чиновников, генералитета и представителей городской и сельской буржуазии.

Самому себе Садат отвел роль «отца нации». На сентябрь 1976 года были назначены выборы в Народное собрание. Предвыборная борьба привела к консолидации сил трех группировок. Руководство АСС, в рамках которого формально действовали три платформы, не могло, а скорее всего, не хотело вести борьбу за укрепление Арабского социалистического союза, олицетворявшего Насера и его политическое наследство. 12 ноября 1976 года Садат объявил о преобразовании платформ в самостоятельные политические партии, хотя им и предписывалось по закону, принятому позднее, в июле 1977 года, руководствоваться «общими принципами», а секретарю ЦК АСС предоставлено право требовать роспуска партии, если она в своей деятельности выйдет за рамки этого закона. Так на политической сцене Египта появились три партии: национально-прогрессивная, партия социал-либералов и центристская арабская социалистическая партия.

Создание трех партий вместо одной организации дало повод апологетам режима лишний раз поговорить о «демократии для народа», о новой эре в истории Египта. Причем в авангарде этих глашатаев новой эры шли люди, которые при Насере были осуждены за контрреволюционную деятельность и реабилитированы Садатом в 1972—1975 годах. Осужденный в 1965 году за шпионаж в пользу США египетский журналист Али Амин, вернувшийся из эмиграции, придумал термин «социализм Садата». Упоминавшийся уже Ахмед Абуль Фатх призывал к тому, чтобы самым высоким образом оценивать действия Садата, который добился «военной победы (имеется в виду октябрьская война 1973 года с Израилем.— О. Г.), политической независимости (имеется в виду сокращение сотрудничества с СССР.— О. Г.) и истинной демократизации об-

щества». Как сообщала газета «Аль-Ахрам» 19 июля 1978 года, специальная комиссия по-новому прочитала историю послереволюционного Египта: период Насера назван «этапом революционного экстремизма, этапом неудач революции», а период Садата — «этапом зрелости и возрождения нации».

Движение по пути «контролируемой демократии» выявило много неожиданностей для нового режима, которые спутали карты правящих кругов и вынудили их принять меры, откровенно показавшие, во имя чего и, главное, во имя кого проводились эти мероприятия. Вопреки ожиданиям правящих кругов национально-прогрессивная (левая) партия, выросшая на платформе патриотического блока, сумела сплотить вокруг себя здоровые силы страны. Партия решительно разоблачала спекулятивные махинации паразитической буржуазии, выступала в поддержку требования народных масс об обуздании инфляции и роста цен. Однако главным испытанием для режима явилось появление в феврале 1978 года партии «Новый Вафд», объявившей себя наследницей партии «Вафд», существовавшей до 1953 года. Дело в том, что мероприятия нынешних правящих кругов внутри страны, по сути дела, отвечали интересам прежде всего «жирных котов», которые паразитировали на национальной экономике, получали гигантские комиссионные от иностранных монополий, разворовывали экономическую помощь нефтедобывающих арабских стран. Это, естественно, не могло понравиться буржуазии, работавшей в производственной сфере, которая оказалась отодвинутой не только от командных постов национальной экономики, но и от политической власти.

Образованная вопреки желанию правящей верхушки партия «Новый Вафд», возглавляемая опытными политическими деятелями, стала быстро набирать влияние в стране. Требования, совпадающие с основными принципами буржуазного парламентаризма, такие, как ограничение полномочий президента, достижение равновесия между законодательной и исполнительной властью, создание представительной парламентской системы, привлекли внимание тех сил национальной буржуазии, которые видели в эксцентричной, волюнтаристской политике

новых руководителей Египта угрозу своим классовым интересам.

Новых соперников было решено устранить силой, не побоявшись даже подпортить благопристойный с точки зрения буржуазной демократии фасад режима. В июне 1978 года в Египте был проведен третий референдум, и на основе его результатов был принят закон о «национальном единстве и социальном мире». По этому закону «не разрешается входить в состав политических партий, пользоваться политическими правами и заниматься политической деятельностью всем лицам, которые участвовали в разложении политической жизни до революции 1952 года, независимо, выражалось ли это участие в назначении на министерские посты за счет принадлежности к партиям или участие в руководстве партии». Были утверждены «черные списки», в которые попали и лидеры новой партии. Столкновение правящих кругов Египта с серьезным политическим противником в лице партии «Новый Вафд» вынудило их сбросить маски либералов и расправиться со своими соперниками.

9 июня 1978 года руководство партии «Новый Вафд» заявило о своем самороспуске. Выступая 12 июня на страницах органа партии либералов-социалистов газеты «Аль-Ахрар», лидер просуществовавшей всего четыре месяца партии Фуад Сираг эд-Дин, бывший при Фаруке министром внутренних дел и поэтому попавший в «черный список», писал следующее: «Судьба демократии в Египте после принятия последнего закона стала неопределенной и неясной. Теперь каждый, кто принимает участие в политической деятельности, может быть подвергнут обвинению со стороны правительства и правящего большинства. Согласно последним законодательным мерам, правительство становится одновременно и стороной в конфликте и его судьей. Подводя итоги, можно сказать, что партийная деятельность в Египте стала рискованным предприятием и не приведет к какому-либо результату».

Яснее не скажешь! И это слова буржуазного деятеля, для которого меры нового режима по утверждению «контролируемой демократии» оказались совершенно неприемлемыми!

В «черные списки», составленные в Египте,

включено немало деятелей египетской культуры. Здесь фигурируют Саид Ахмед, автор книги «Когда замолчат пушки, какой мир будет в Палестине», получивший премию в Италии, поэт и философ Махмуд Амин аль-Алем, бывший главный редактор журнала «Роз аль-Юсеф» Ахмед Хамруш, очеркист Мишель Камель, писатель и кинорежиссер Абдель Рахман аль-Хамиси и другие. В тюрьме оказался поэт Ахмед Фуад Нигм, пишущий на египетском диалекте и поэтому понятный самым широким кругам народа. Его называют «сыном народа». Вина Нигма заключается в том, что в январе 1977 года после голодных демонстраций, захлестнувших Каир, он читал «пораженческие» и «преступные» стихи, имитируя при этом дикцию Садата.

«Так будьте же довольны, не лезьте в политику. Занимайтесь серьезно и усердно своими делами. Научите ваших детей быть всегда довольными, ибо все мы рабы судьбы. А вопрос о мире, о хлебе для нас будет отложен до судного дня».

Так писал Нигм, посаженный в тюрьму. Его судьбу разделил и слепой народный певец шейх Имам Иса, который под аккомпанемент арабской лютни исполнял стихи Нигма и чье бесхитростное пение было хорошо понятно народным массам.

Новый режим преследует своих политических противников и справа, и слева. Здесь все ясно и понятно. Но почему в «черные списки» наряду с бывшими министрами и политиканами монархического режима, наряду с прогрессивными политическими деятелями сегодняшнего Египта попало немало представителей египетской культуры?

Ответ на это прост. Египетская интеллигенция всегда была демократична и близка к народу. Разоблачение политики, содержащееся в стихах народного поэта, по силе воздействия на толпу часто сильнее, чем выступление опытного политического деятеля. Последнего можно обвинить во всех смертных грехах, но с народным поэтом, который, по мнению египтян, обладает даром божьим и поэтому ближе к богу, чем простой смертный, открытая борьба просто невозможна. Я сам видел во время поездок в Египте, как толпа с ревом штормового океана воспринимала незамысловатые, понятные ей стихи народного поэта или певца и вежли-

во, протокольно аплодировала умной, сбалансированной речи политического деятеля.

Неприязнь, которую испытывают деятели нового режима к интеллигенции, объясняется очень просто. Египетские интеллигенты в своем подавляющем большинстве, несмотря на всплески египетского национализма и связанную с этим национальную ограниченность, поддерживали основные принципы политики Насера, считавшего Египет частью арабского мира. Панарабизм Насера и вытекающие из него идеи, в силу масштабов Египта, его исторических и культурных традиций, выдвигали египетскую интеллигенцию в первые ряды деятелей арабской культуры, для которых полем деятельности был не только Египет, но и весь арабский мир. Сегодня «фараонизм» нынешних руководителей, выпячивание ими «своеобразия Египта» вместе с сепаратным курсом в ближневосточном урегулировании обрубают традиционные культурные связи Египта с арабским миром, с его 140-миллионным населением.

23 июля 1978 года, выступая в Народном собрании по случаю годовщины египетской революции 1952 года, президент Садат объявил свое решение создать собственную национально-демократическую партию. Позднее, 1 августа, он изложил причины, побудившие его принять данное решение. По его словам, оно вызвано «кризисом демократии в Египте», попыткой меньшинства осуществить свои «алчные устремления» и добиться власти путем терроризма. Свое намерение занять пост лидера этой партии Садат объяснил тем, что «партия, которая будет участвовать в борьбе за освобождение и восстановление Египта, должна находиться под непосредственным руководством главы государства, чтобы обеспечить единство партии с народными массами».

5 августа было объявлено о создании временного учредительного комитета новой партии, а уже 11 августа на заседании учредительного комитета Садат выдвинул пять ее основных принципов.

1. Демократия как основополагающий принцип всей деятельности партии.

2. Разработка конкретных планов с целью разрешения стоящих перед народом трудностей.

3. Финансирование партии путем добровольных пожертвований ее членов, а не посредством государственных субсидий.

4. Максимальное соблюдение членами партии нравственных и гражданских норм поведения.

5. Осуществление деятельности партии на основе уважения и соблюдения конституционных принципов.

В основу программы положена теория египетского варианта «демократического социализма», разрабатывавшаяся в течение последнего времени группой профессоров во главе с бывшим ректором Каирского университета Суфи Абу Талебом. Ее постулаты, как писала газета «Аль-Ахрам» 26 июня 1978 года, состоят в следующем:

— достижение равновесия между личностью и обществом;

— поддержка идей социальной солидарности в качестве «альтернативы принципу классовой борьбы при коммунистическом режиме и эгоизму капиталистического мира»;

— содействие со стороны государства всемерному развитию религиозных чувств граждан в качестве основы общественного поведения и духовных ценностей общества;

— разрешение создания многочисленных партий при условии их деятельности в рамках единой философской концепции;

— упразднение господствующего положения госсектора в экономике государства и отведение ему роли направляющей силы экономической активности в стране.

Как явствует из сообщений египетской прессы, программа партии насыщена различного рода демагогическими лозунгами и положениями. Новую партию характеризуют определения: «национальная», «демократическая», «социалистическая», «научная», «народная», «революционная», «верящая в бога и религию». Цели деятельности партии — пищу каждому рту, жилище каждой семье, увеличение производства. Согласно концепции партии, она выступает «за социализм благосостояния, а не бедности, за социализм созидания, а не разрушения».

Даже беглый взгляд на этот набор демагогических положений показывает, что новая партия

выступает за классовый мир, пропагандируемый на Западе, против государственного сектора, важнейшего завоевания июльской революции 1952 года.

Учредительный комитет НДП провозгласил, что «членом партии может быть любой гражданин, безо всяких исключений». Некоторые губернаторы провинций, в порыве верноподданнических чувств, обращались к Садату с просьбой принять в ряды партии самого губернатора и... все население провинции.

Решение пойти на создание новой партии свидетельствует о нарастании трудностей внутри правящих кругов АРЕ. Очевидная бесперспективность сепаратных переговоров Каира с Израилем для установления действительно прочного мира на Ближнем Востоке, падение престижа Египта в арабском мире, наряду с тяжелым состоянием экономики, заставляет нынешний режим предпринимать все новые акции, чтобы мобилизовать своих сторонников и выйти из кризисной ситуации, а также отвлечь внимание своих критиков от обвинения режима в неспособности разрешить острые проблемы, стоящие перед страной. Это решение свидетельствует также о провале деятельности центристской партии, оказавшейся неспособной объединить широкие общественно-политические круги вокруг целей и лозунгов режима.

О методах внутрипарламентской «демократии», навязанной новым египетским руководством, свидетельствуют многочисленные факты.

На заседании парламентской фракции правящей национально-демократической партии депутаты были ознакомлены с содержанием договора с Израилем и сопутствующими ему документами. Даже депутаты, в лояльности которых Садат вряд ли сомневался, потребовали полные тексты документов, что вызвало замешательство среди организаторов этого «обсуждения».

В то самое время, когда в Народном собрании разыгрывалась инсценировка обсуждения сепаратного договора с Израилем, группа депутатов от других партий направила письмо его председателю с требованием дать им возможность высказать мнение о договоре, который затрагивает национальные интересы Египта и его народа. Демарш

депутатов Народного собрания сопровождался студенческими и религиозными волнениями в ряде университетов и провинций Египта. Особенно сильны были студенческие волнения в Асьюте, что подтолкнуло нынешнее руководство впервые пойти на организацию полицейских участков при университетах для слежки за неблагонадежными, с точки зрения властей, студентами. Было принято также решение провести референдум о сепаратном договоре с Израилем и некоторых мероприятиях, связанных с реорганизацией политической системы государства.

В четвертый раз с 1970 года египетский режим прибег к референдуму, чтобы создать видимость поддержки своей внутренней и внешней политики. Результаты трех референдумов, естественно, были в пользу властей, что дало повод независимому депутату Камаль эд-Дину Хусейну заявить, что все референдумы в АРЕ представляют собой «спектакль, результаты которого заранее фальсифицированы». По официальным данным, одиннадцати миллионам египтян, большая часть которых не только не искушена в политике, а просто неграмотна, на сей раз предлагалось высказать свое мнение о египетско-израильском договоре, о пересмотре конституции, многопартийной системе и т. д. Тем не менее к избирательным урнам не явился миллион избирателей. Как и прежде, египетскому руководству удалось «обеспечить» одобрение своей внутренней и внешней политики. В ходе этого референдума египетские власти прибегли к беспрецедентным махинациям и обману общественного мнения. Чтобы заманить избирателей на участки для голосования, рядом с ними были организованы кооперативные лавки, в которых по сниженным ценам продавались продукты питания. Простому египтянину, который сегодня живет впроголодь, едва сводя концы с концами, предлагалось сказать «да» на референдуме и получить со скидкой несколько лепешек, бобы или пучок зелени для своей семьи. Представитель национально-прогрессивной партии АРЕ заявил, что «этот маскарад не должен ввести кого-либо в заблуждение. Результаты референдума подготовлены заранее, а чтобы избежать выступления народных масс, египетские

власти используют все репрессивные средства».

В апреле 1979 года Народное собрание было распущено. Даже в этом, в целом лояльном режиму законодательном органе около 50 депутатов выступили против сепаратного курса в ближневосточном урегулировании, курса, поставившего Египет в еще большую зависимость от США и изоляцию в арабском мире.

7 июня 1979 года в Египте проходили выборы в Народное собрание.

Садат лично приложил все усилия, чтобы обеспечить победу верных ему депутатов. Он выступал почти каждый день, и каждое его публичное выступление содержало призывы голосовать за депутатов его национально-демократической партии. Органы печати, государственное телевидение и радио использовались для того, чтобы вбить в голову египтянину, что только национально-демократическая партия может обеспечить Египту прогресс и процветание, а простому египтянину — насущный кусок хлеба.

Естественно, противники НДП такой возможности не имели, хотя официальные власти не раз утверждали, что каждый кандидат будет иметь равные возможности в ходе предвыборной кампании. Более того, полиция и органы безопасности шельмовали кандидатов национально-прогрессивной партии, независимых насеристов и известных своей честностью беспартийных депутатов. Какую только клевету на них не возводили: их обвиняли в «связях с Москвой», «отступничестве от ислама», в получении денег от стран Фронта стойкости и противодействия, который объединяет Сирию, Ливию, Алжир, Южный Йемен и Организацию освобождения Палестины. Последнее обвинение выглядит особенно смехотворным: ведь официальный Каир рядится в тогу защитника палестинцев и ведет переговоры с израильтянами о «самоуправлении» для палестинцев Газы и Западного берега реки Иордан, суть которого сводится к тому, чтобы предоставить палестинцам право, как говорят американцы, «самим убирать свой мусор».

По сообщению журналистов, 1 мая 1979 года аппарат генерального прокурора опубликовал заявление, в котором национально-прогрессивная

партия обвинялась в «подрывной деятельности», направленной против существующего режима. Вся вина левой партии заключалась в том, что у арестованного в апреле в Кафр-Шукре ее секретаря И. Амера были обнаружены документы, осуждающие сепаратный египетско-израильский договор и визит в АРЕ премьер-министра Израиля Бегина. В сфабрикованном заявлении прокуратуры утверждалось также, что НПП передавала свои материалы в Багдад для использования радиостанцией «Голос арабского Египта».

По словам председателя национально-прогрессивной партии Халеда Мохи эд-Дина, история страны после революции 1952 года еще не знала выборов, подобных последним. Когда осуществлялись революционные преобразования под руководством Насера, сказал он, репрессировались главным образом политические деятели и журналисты, выступавшие против нового курса, а также представители буржуазии и состоятельных слоев населения. В то же время народные массы чувствовали себя в безопасности. Сейчас же наблюдается обратная картина: в безопасности оказалась состоятельная прослойка, процветающая при нынешнем режиме, тогда как опасения стать жертвой репрессий со стороны властей испытывают миллионы простых египтян.

Гонения властей на кандидатов левых сил и оппозиционных деятелей, которые имели реальные шансы на избрание в новый состав Народного собрания, вызвали повсеместные протесты.

Вот несколько примеров, приводимых журналистами, свидетелями последней избирательной кампании в Египте.

7 июня в провинции Кафр-Шукр, где баллотировался председатель НПП Х. Мохи эд-Дин, над его сторонниками была учинена настоящая физическая расправа, в результате чего двое из них были серьезно ранены. По прямому указанию одного из официальных лиц избирателям, заподозренным в симпатиях к Х. Мохи эд-Дину, был закрыт доступ на избирательный участок. По тому же указанию у кандидата была отобрана его предвыборная эмблема, изображавшая фонарь: она была отдана правительственному кандидату. Бояться «крас-

ного майора» Х. Мохи эд-Дина у представителей нынешнего египетского режима были все основания. На прошлых выборах его партия получила 350 тысяч голосов, хотя выставляла своих кандидатов в 20 из 350 округов. Это показывает, что программу НПП разделяла не только горстка «злопамятных интеллигентов-оппортунистов», как заявляет официальная пропаганда.

В одном из округов Александрии подобной же «обработке» подвергались многочисленные сторонники другого бывшего члена Народного собрания аль-Харири. Когда он потребовал вскрыть урны до начала голосования, то выяснилось, что в них находилось свыше 500 бюллетеней в поддержку кандидата от национально-демократической партии. Члены контрольной избирательной комиссии и представители службы безопасности отказались официально зарегистрировать факт фальсификации, а в ответ на посланную аль-Харири телеграмму протеста в адрес генерального прокурора сам левый кандидат был избит и отправлен на полицейской машине в неизвестном направлении. В конце декабря 1979 года аль-Харири было предъявлено обвинение в деятельности «по созданию коммунистической организации». Когда это обвинение было отведено, прокурор обвинил аль-Харири «в нарушении общественного порядка». Когда и это обвинение не было доказано, аль-Харири вышел на свободу...

14 июля, перед началом второго тура выборов, войска безопасности окружили все избирательные участки в округе Ага (провинция Эль-Мансура), где баллотировался кандидат от НПП Раафат Сейф, и, применяя силу, не давали возможности голосовать его сторонникам. Когда же кандидат связался с местными властями, ему прямо ответили, что не допустят повторения того, что произошло в провинции Дакахлия, где были провалены кандидаты от правящей партии. Р. Сейфу было заявлено, что в этом округе депутатом парламента должен стать только член правящей партии. В знак протеста против произвола властей Р. Сейф, как, впрочем, и многие другие кандидаты от оппозиционных сил, принял решение отказаться от участия в выборах.

Если представители НПП и других оппозицион-

ных сил подвергались всяческим репрессиям в ходе голосования, то кандидаты от правящей партии шли на любые ухищрения, чтобы проникнуть в высший законодательный орган. По свидетельству журналистов, кандидат от правящей партии в округе Тамия (провинция Эль-Файюм), не считаясь ни с какими правилами голосования, перевел избирательный участок... в свой собственный фруктовый сад. Другой кандидат от национально-демократической партии, не набравший в своем избирательном округе достаточно мест после первого тура, решил не искушать судьбу при повторном голосовании и просто, подав протест в избирательную комиссию, утверждал, что при подсчете бюллетеней была допущена «ошибка». После нового подсчета «ошибка» была «исправлена», и «обиженный» было кандидат от правящей партии стал депутатом Народного собрания.

На многих избирательных участках фактически голосовали... одни полицейские, которые бросали в урны бюллетени, розданные им заранее. Этих махинаций было так много, что даже глава легальной оппозиции, лидер социалистической партии труда Шукри выразил протест. «Я не оспариваю популярность, которой пользуется президент Садат, но хотел бы разоблачить нарушения, совершенные в пользу возглавляемой им партии». Шукри потребовал, чтобы «во имя демократии, сторонником которой объявил себя президент, Садат ушел с поста председателя национально-демократической партии».

Нынешнему режиму удалось тем не менее завершить свои «демократические выборы». В Народное собрание избрано 382 депутата, из которых 332 — члены национально-демократической партии. Единственным из оппозиционных депутатов, который вошел в новый состав Народного собрания, стал Мумтаз Нассар, независимый депутат от провинции Асьют. В день голосования его сторонники окружили избирательные участки и препятствовали вмешательству властей и полиции.

Создание видимости демократии в Египте имеет для нынешнего режима чрезвычайно важное значение в его соперничестве с Израилем за «стратегическое сердце» США. Официальный Каир хотел

бы убедить Запад, что Египет — «царство демократии», и тем самым выбить главный довод Тель-Авива о том, что Израиль является наиболее надежным партнером Соединенных Штатов Америки на Ближнем Востоке с точки зрения внутренней стабильности. Особый упор на это израильское руководство стало делать после фиаско американской политики в Иране.

Видимость поддержки правящей партии внутри страны, по мнению египетского руководства, должна была укрепить доверие к режиму и в ряде европейских государств, которые заняли выжидательную позицию в отношении Египта и египетско-израильского сговора. Египетскому режиму необходимо выглядеть прочным и долговечным также и для того, чтобы укрепить свои позиции в психологической войне с остальным арабским миром. Именно поэтому власти не стеснялись в выборе средств ради создания видимости «демократии» и «всенародной поддержки» своему режиму.

Мир по-американски

6 октября 1973 года египетская армия переправилась через Суэцкий канал и, преодолев линию Барлева, построенную израильтянами на его азиатском берегу, начала наступление в глубь Синайского полуострова. «Непобедимые» израильские солдаты побежали. Египетская третья армия, получившая в качестве резерва дополнительное вооружение от Ливии, пройдя около пятнадцати километров, остановилась. Придя в себя от неожиданного и дерзкого наступления египтян, израильтяне окопались на Синае и перебросили на африканский берег Суэцкого канала механизированный десант, угрожая вторгнуться в долину Нила.

Почему египтяне не развили свой успех и не стали двигаться дальше? Почему они дали возможность израильтянам окружить свою третью армию на Синае и выбросить десант на другой стороне канала?

Здесь уместно рассмотреть, какие же причины побудили египтян начать октябрьское наступление против Израиля? Прошло уже несколько лет, и солидные арабские и западные авторы скрупулезно

проанализировали как внутренние и внешние причины, побудившие египетское руководство принять такое решение, так и итоги войны 1973 года.

Рост цен на товары первой необходимости и прогрессирующее ухудшение положения трудящихся на фоне разгульной жизни новой египетской буржуазии способствовали вовлечению в политическую борьбу в начале 1973 года наиболее активных слоев городского населения. Активизировались различные политические течения — от «Братьев-мусульман», готовивших в пустыне на своих тайных базах отряды вооруженных штурмовиков, до китайских подголосков. Политические интересы и цели у них были разные, но общей причиной роста оппозиционных настроений была бездеятельность и пассивность правительства в вопросах ближневосточного урегулирования. Детонатором взрыва народного возмущения послужили студенческие волнения.

В Каире три университета. Большинство студентов в материальном отношении близко стоят к простому народу и его повседневным заботам. Египетские студенты — динамичная масса, много читающая и спорящая, здесь работают практически все существующие в стране политические организации.

В начале 1973 года студенческие волнения охватили не только столичные, но и провинциальные университеты. Ректоры и деканы десятками отчисляли мятежных студентов, но они продолжали критиковать внутреннюю и внешнюю политику правительства, требовали ликвидировать оккупацию арабских земель.

Следом заволновались наиболее организованные отряды рабочего класса, офицеры, египетская интеллигенция. Пропагандистская шумиха не могла сдержать нараставшие противоречия, и Каиру нужно было сделать какой-то шаг, чтоб спустить излишнее давление. Положение в экономике становилось критическим. На заседании Совета национальной безопасности 30 сентября 1973 года Садат прямо заявил: «Я хочу открыть вам правду: экономика Египта стоит на нуле. Я не могу попросить ни у одного араба ни одного доллара».

Уже после войны Садат повторил примерно то

же самое: «В октябре 1973 года египетская экономика находилась в состоянии серьезного тупика, экономическое положение было крайне тяжелым... После войны наша экономика была спасена арабскими братьями... Но для того чтобы иметь право хотя бы на один доллар из этой помощи, мы должны были пролить свою кровь при форсировании Суэцкого канала».

Иными словами, начиная октябрьскую войну 1973 года, Каир рассчитывал на ограниченную операцию с первоочередной целью разрядить обстановку внутри страны, смягчить остроту классовых противоречий и обеспечить выгодный египетской буржуазии поворот во внутренней и внешней политике. Вот почему египетские части, успешно форсировав Суэцкий канал, топтались на месте, хотя имели возможности успешно двигаться вперед и освободить если не весь, то по крайней мере значительную часть Синайского полуострова. Недаром об октябрьской войне 1973 года сирийцы и патриотически настроенные египтяне откровенно говорят как о «победе, от которой отказались».

Так, Хейкал, вразрез с официальной точкой зрения, пишет: «За эти четыре дня была потеряна инициатива, и египетские вооруженные силы на Синае, хотя они и отражали атаки израильских войск, неизбежно теряли возможность продвинуться к проходам в центре полуострова. Это был приод так называемой «операционной паузы», которая привела к ожесточенным разногласиям между египетским и сирийским политическим и военным руководством,— разногласиям, которые не устранены до сих пор».

Многие наблюдатели считают, что действия Каира объяснялись также и попыткой привлечь внимание США к ситуации на Ближнем Востоке. Уже в то время намечался сговор между США и Садатом, и последний не желал раздражать военными успехами своего будущего патрона, на чье расположение рассчитывал. Ведь именно к этому времени созрела высказанная Садатом позднее абсурдная идея, что ключи от ближневосточного урегулирования находятся в руках США.

Американский востоковед Малкольм Керр в ходе ближневосточных слушаний в подкомиссии кон-

гресса США на вопрос «Хорошо ли египтяне использовали военное решение вопроса в октябре 1973 года?» не задумываясь ответил: «Я не думаю, что то, что принесло им (египтянам.— О. Г.) пользу в октябре, обусловливалось военным решением. Мне кажется, они начали войну исключительно из политических целей. Может быть, они сделали на поле боя больше, чем ожидали, но главное заключалось в том, чтобы привлечь Киссинджера в Каир для ведения переговоров». База для таких переговоров была уже подготовлена — подрыв социально-экономических завоеваний египетских трудящихся свидетельствовал об отходе от принципов президента Насера и, естественно, повышал «доверие» к Садату в Вашингтоне. Тот же Керр, характеризуя внутреннюю и внешнюю политику Каира, писал: «Начиная с 1970 года Садат был постоянно занят демонтажом обязательств Насера как внутри, так и за пределами страны. Представляется, что вступление Садата в октябрьскую войну и его последующая дипломатия могут быть лучше всего объяснены в этом свете».

Отсюда идут истоки «челночной дипломатии» Киссинджера, бывшего в то время государственным секретарем США. Какими только лестными эпитетами не награждали его официальные деятели Египта! Киссинджер демонстрировал, по мнению Каира, «благожелательные устремления» США на Ближнем Востоке, объявлялся «чудотворцем».

«Я полагаю,— заявил Садат 17 февраля 1975 года в интервью газете «Вашингтон пост»,— что с тех пор, как Генри посетил меня в ноябре, т. е. во время его первого визита в ноябре 1973 года, всего через несколько недель после октябрьской войны, началась новая эра в отношениях между нашими странами». Не менее восторженно оценивали своих египетских партнеров и американцы. Стэнли Хофман в статье «Новая политика для Израиля», опубликованной в журнале «Форин аферс», писал: «Киссинджер обнаружил в Садате человека, стремящегося к дружбе с США и готового осторожно двигаться к миру с Израилем».

Последствия такого сближения с США не замедлили проявиться. В 1974 году было подписано первое, а в 1975 году второе соглашение о разъедине-

нии египетских и израильских войск на Синайском полуострове, достигнутые при содействии американцев, вразрез с интересами других арабских народов. Недаром они уже тогда получили оценку как сепаратные сделки и вызвали законный гнев и возмущение в арабских странах. Но главные события были впереди.

Утром 19 ноября 1977 года с военного аэродрома Абу Сувейр в зоне Суэцкого канала поднялся египетский самолет, который через сорок минут полета приземлился на аэродроме Лодд близ Тель-Авива. На борту самолета находился президент Египта Садат, который прибыл в Израиль для переговоров, с его точки зрения, возможно, самых важных в послереволюционной истории Египта. То ли от сознания собственной значимости и причастности к этому, то ли от волнения, охватывающего даже великих актеров перед выходом на сцену, Садат был собран и молчалив. Только подрагивание зажатой в зубах погасшей трубки и потные ладони, которые он вытирал белым надушенным платком, выдавали его волнение. Среди лиц, сопровождавших Садата, не было министра иностранных дел Исмаила Фахми. Вечером он позвонил Садату и, сказав несколько протокольных фраз об уважении к президенту, отказался следовать за ним в намеченную поездку. Министр просил принять его отставку, добавив, что письменное заявление об этом будет подослано позже.

Над зданием аэропорта Лодд развевались два флага: трехцветный египетский с символическим изображением орла и белый израильский с голубой шестиконечной звездой Давида. В числе встречавших были бывший президент Израиля Эфраим Кацир, спикер кнессета Ицхак Шамир, назначенный недавно министром иностранных дел. В первых рядах — Голда Меир, которая специально прервала свой визит в США и прибыла в Тель-Авив. Среди депутатов кнессета сосредоточенный Менахем Бегин. Премьер-министр цепко оглядывал свою команду, которой предстояло сегодня начать сложную многоходовую комбинацию. Вот Даян в темной повязке, закрывающей левый глаз, герой военной кампании 1973 года. Вот министр обороны Эзер Вейцман, который так его нервирует своими заку-

лисными контактами с американцами. Вот верный генерал Ариэль Шарон, министр сельского хозяйства, стараниями которого уже построено более 90 поселений на оккупированных арабских землях, и начальник генерального штаба Мордахай Гор, планирующий военные операции против беззащитного Ливана.

Израильтяне не скрывают своего беспокойства. Уж не откажется ли от переговоров тот, встречать которого выехали в полном составе израильское правительство и парламент? Гнетущее ожидание сменяется радостным оживлением, когда в воздухе появляется силуэт самолета. Он делает круг над аэродромом и идет на посадку. Из-под колес «Боинга-707», коснувшихся взлетной полосы, вырываются клубы сизого дыма. И почти одновременно на поле появляются бензозаправщики и автомашины аэродромной службы. Они катятся за самолетом и занимают почти всю полосу, как будто хотят помешать серебристой птице развернуться и снова взмыть в воздух.

Громкие возгласы. Мышеловка захлопнулась: президент Садат, руководитель самого большого арабского государства, которое находится в состоянии войны с Израилем, прибыл в Тель-Авив для переговоров с израильтянами. Это можно считать победой! Бегин поворачивается к начальнику своей канцелярии Бен-Элиссару и отдает распоряжение готовить автомашины. Через несколько минут Садат вместе с президентом Кациром отбывает в Иерусалим, где ему предстоит выступить перед депутатами кнессета. На фронтоне здания израильского парламента написан сионистский лозунг: «За великий Израиль от Нила до Евфрата». Того самого Нила, с берегов которого прибыл этот смуглый египтянин.

21 артиллерийский залп израильской артиллерии разрывает чистый ноябрьский воздух: Садата приветствуют как президента, прибывшего с официальным визитом, хотя Египет уже 30 лет находится в состоянии войны с Израилем. Тысячи полицейских и тайных агентов охраняют гостиницу «Царь Давид», где остановилась египетская делегация, оцепляют дороги, по которым Садат следует в мечеть на молитву или на переговоры с Бегином.

Сепаратный жест Садата в отношении Израиля вызвал бурю возмущения в арабском мире. Редактор английского журнала «Мидл ист интернешнл» М. Эдамс писал, что поездка Садата в Иерусалим в ноябре 1977 года для арабского мира была «еще более шокирующей, чем была бы для англичан поездка Черчилля в Берлин, скажем, в 1941 году».

Но визит Садата получил полную поддержку Вашингтона. «Как только нам стало ясно, что президент Садат собирается в Иерусалим,— говорил Картер,— мы немедленно стали использовать все наше влияние с тем, чтобы убедить другие страны не осуждать это решение». На пресс-конференции в конце ноября 1977 года Картер прямо назвал эти страны — Сирия, Ливан, Иордания и Саудовская Аравия. С этой же целью и столь же безуспешно на Ближнем Востоке появился в начале декабря 1977 года государственный секретарь Вэнс. Саудовская Аравия, не говоря уже о Сирии и Иордании, ответила на ходатайства американцев «вежливым, но твердым отказом».

Египетские политики достаточно опытны, чтобы понимать, что сепаратные действия будут выглядеть более привлекательно, если их прикрыть каким-либо «фиговым листком». Еще в кнессете Садат говорил от имени всех арабов, хотя никто на это его не уполномочивал. «Я явился сюда не для того, чтобы заключить сепаратное соглашение между Египтом и Израилем,— заявил он в кнессете.— Это чуждо политике Египта. Проблема затрагивает не Египет и Израиль, и сепаратный мир между Египтом и Израилем или между какими-либо государствами противоборства и Израилем не обеспечит справедливого мира этому району. Если мир будет установлен между всеми государствами противоборства и Израилем без справедливого урегулирования палестинской проблемы, это никогда не приведет к постоянному и справедливому миру, которого хочет сегодня все человечество». После визита в Иерусалим он все чаще стал обращаться к палестинской проблеме и утверждать, что он и только он может вырвать у израильтян уступки по этой проблеме. Однако Израиль не собирался подыгрывать своему партнеру. Египетские лидеры попали в ловушку, и чем глубже они увяза-

ли в трясине предательства, тем жестче можно было с ними разговаривать.

В конце декабря 1977 года в кнессете был обнародован план Бегина в отношении Западного берега реки Иордан и сектора Газа. План предусматривал введение «самоуправления для местного населения» и создание административного совета. Все драматические заявления Каира, его обращения к Вашингтону с протестами были лишь красивой миной при плохой игре. В Израиле давно поняли, что Каир «пустил под откос панарабизм», а вместе с ним и интересы палестинцев.

В течение целого года стороны не могли договориться о характере документов, которые должны быть положены в основу отношений двух государств. Каждое заявление Садата на следующий день отводилось израильскими руководителями. Садат требует отвода войск с Синая в два этапа, а Бегин соглашается на частичный отвод в обмен на «мирные отношения» с Египтом. Садат требует прекратить строительство поселений на оккупированных землях, а Бегин заявляет, что никакого соглашения не будет, если речь идет о ликвидации этих поселений. Перепалка традиционного союзника США и нового друга вынудила американцев взять на себя роль маклера в этой срывающейся сделке. В августе 1978 года Вэнс отправился в очередную поездку на Ближний Восток. На этот раз он вез написанные рукой Картера личные приглашения Садату и Бегину прибыть в США для того, чтобы преодолеть «трудности» египетско-израильского диалога.

В ста километрах от Вашингтона, в штате Мэриленд, находится летняя резиденция президента США Кэмп-Дэвид. Здесь в сентябре 1978 года встретились Картер, Садат и Бегин. Участники встречи прибыли сюда на вертолетах. Картер, видимо, хорошо зная характер своих партнеров, дал указание не давать ни Садату, ни Бегину вертолетов для обратного полета без его письменного разрешения с тем, чтобы они не сорвали «движение к миру на Ближнем Востоке».

Кэмп-дэвидское сидение продолжалось 13 дней, за закрытыми дверями, вдалеке от вездесущих американских журналистов. Картинно озабоченный

Садат сосредоточенно сосал трубку и всем своим видом показывал, что он «отдал все, что мог» и дальше не отступит. Бегин, как плохой профессор провинциального университета, изводил Картера длинными лекциями из библейской истории и перечислял аргументы, якобы доказывающие «исторические права» сионистов на Палестину. Дело кончилось тем, что Картеру пришлось пустить в ход личный авторитет, причем для того, чтобы сломить египетскую делегацию. «Честный маклер», как назвал себя Картер, решил отойти от правил и добиться сделки за счет уступки одной, разумеется, слабой стороны. Вечером 16 сентября Картер заявил Садату, что если он не согласится на условия Израиля и не подпишет согласованных документов, то он потеряет дружбу народа США и его, Картера, личное расположение.

17 сентября 1978 года в Кэмп-Дэвиде были подписаны два документа — «Рамки для заключения мирного договора между Египтом и Израилем» и «Рамки для мира на Ближнем Востоке». Если первый документ послужил фундаментом для окончательного оформления сепаратной сделки, то второй должен был прикрыть отход Каира от общих арабских позиций, оправдать его капитуляцию в глазах арабского и мирового общественного мнения.

Сепаратный договор был подписан спустя шесть месяцев после Кэмп-Дэвида. Такая задержка имела свои причины. Египетско-израильские переговоры шли туго, однако отход Каира от арабского мира, осудившего сепаратный курс египетского руководства, оставил его один на один с Израилем и США.

Агония монархического режима в Иране ставила под угрозу позиции США в важном стратегическом районе земного шара. Именно этот факт послужил сигналом для вторичного вмешательства США и лично Картера в египетско-израильские переговоры. Это была экстренная мера, операция последнего шанса для спасения сепаратного курса в ближневосточном урегулировании.

Начало 1979 года было чрезвычайно активным для американской дипломатической службы на Ближнем Востоке. 15—28 января посол США по особым поручениям Атертон находился в Египте

и Израиле. 9—18 февраля министр обороны США Браун выехал на Ближний Восток и посетил Египет, Израиль, Саудовскую Аравию и Иорданию. 6 марта в Каир прибыли помощник президента США по вопросам национальной безопасности Бжезинский и Атертон для подготовки визита Картера в Египет и Израиль.

13 марта 1979 года президент Картер закончил свой визит на Ближний Восток. Он заявил, что Садат и Бегин приняли американские предложения по проблеме ближневосточного урегулирования и его точку зрения на проблему развития двусторонних отношений.

Вопросы двусторонних отношений при активных контактах по проблеме ближневосточного урегулирования между руководителями Египта и Израиля, с одной стороны, и США — с другой, вряд ли требовали официального визита американского президента. Все это наводит на мысль, что визит Картера преследовал совершенно иные цели, о которых умалчивали представители администрации, старавшиеся обеспечить бешеную рекламу Картеру и его «миролюбивой инициативе». Присутствие в числе сопровождавших Картера лиц министра обороны Брауна и помощника президента по вопросам национальной безопасности Бжезинского подтверждает предположения.

1979 год начался для американской дипломатии не очень удачно. Состоялась встреча руководителей Сирии и Ирака, выступающих против сепаратного курса Египта в ближневосточном урегулировании. Развал шахского режима в Иране вызвал тяжелую головную боль в ЦРУ и Пентагоне.

Движение к антиимпериалистическому арабскому единству, свержение шахского режима, нежелание Саудовской Аравии сдерживать рост цен на сырую нефть и объявленное и реализованное впоследствии намерение Ирана выйти из блока СЕНТО дали повод противникам Картера для рассуждения о том, что «дряблая и вялая» политика нынешней американской администрации на Ближнем и Среднем Востоке ставит под сомнение ее способность «защищать интересы США» и их союзников в этом районе. Поэтому вполне резонно предположить, что в ответ на подобные обвине-

ния министр обороны Браун, а затем и сам президент Картер совершили поездку на Ближний Восток, чтобы подчеркнуть желание Белого дома играть здесь более активную роль и перевести в практическую плоскость планы расширения военного присутствия США в этом районе. Обозреватель «Вашингтон пост» Дж. Крафт писал, что переговоры с Египтом и Израилем — лишь одна из целей поездки Картера на Ближний Восток. «Более широкий ее подтекст — создание оборонных отношений между США и всем этим районом». Иными словами, египетско-израильская сепаратная сделка — лишь первый шаг в реализации американской политики на Ближнем Востоке.

Попытки США прибегнуть к силе для обеспечения своих интересов в этом районе имели место и в прошлом. Я вспоминаю американскую интервенцию 1958 года в Ливане: 17 тысяч солдат, в три раза больше, чем вся ливанская армия, высадились в Бейруте и приняли участие в расправах над патриотическими силами страны. По соглашениям 1974 и 1975 годов между Египтом и Израилем на Синайском полуострове были размещены две станции раннего оповещения, обслуживаемые американским военным персоналом. В начале 1977 года Пентагон добился у султана Омана Кабуса права использовать для военных целей о. Масира, расположенный у юго-восточного побережья Аравии. США активно поддерживают идею создания «блока безопасности» в Красном море и в Персидском заливе. Как писала сирийская газета «Аль-Баас» в июле 1978 года, США намерены «распространить свое влияние в районе Красного моря, опираясь на сеть военных баз в Индийском океане и Персидском заливе». Создав крупнейшую военную базу на о. Диего-Гарсия, отмечала газета, Пентагон рассматривает ее как форпост для демонстрации военной силы в Баб-эль-Мандебском проливе, угрожая безопасности не только странам этого района, но всей Восточной Африке.

«Силовой подход» администрации Картера к Ближнему Востоку, откровенные угрозы применить силу для обеспечения поставок ближневосточной нефти таят в себе явную угрозу независимости арабских народов, возвращение мрачных времен

колониализма, когда решения, касающиеся национальных интересов арабов и политического развития их государств, принимались в Вашингтоне, Лондоне и других западных столицах. Подобные планы свидетельствуют о потере американскими политиками чувства реальности, они продолжают считать, что окрик из-за океана, политический нажим и экономическое давление по-прежнему могут обеспечить стабильность в этом взрывоопасном районе. Такой подход к арабским народам совершенно не соответствует духу нашего времени.

...26 марта 1979 года на зеленой лужайке Белого дома в помпезной обстановке Садат и Бегин подписали «мирный» договор между Египтом и Израилем. Президент Картер скрепил его своей подписью.

Характеризуя этот договор, мы употребляем — и совершенно справедливо — слова: «сепаратная, капитулянтская сделка». Во все времена сепаратный мир с агрессором считался предательством. Сепаратный характер египетско-израильского договора в отношении арабского мира и справедливой борьбы арабского народа Палестины является бесспорным.

Капитулянтский характер этого документа также не вызывает сомнений, хотя египетские руководители не раз заявляли, что они проиграли одно сражение, но не войну. Достаточно сказать, что согласно договору и приложенным к нему документам Египет установил дипломатические, консульские и другие отношения с Израилем в феврале 1980 года, то есть еще до того, как были выведены войска агрессора с Синайского полуострова. Более того, VI статья договора гласит, что он будет иметь приоритет перед всеми соглашениями и обязательствами, вытекающими из документов, подписанных Египтом с другими арабскими странами. К этому следует добавить и то, что даже после вывода израильских войск Египет не будет обладать полным суверенитетом на Синайском полуострове: он не имеет права держать войска в районах, прилегающих к границам Израиля, египетские самолеты не могут базироваться на синайских аэродромах, а численность всех египетских войск на этом полуострове не должна превышать одной дивизии. Раз-

ве это не капитулянтские условия, продиктованные агрессором и скрепленные подписью Картера?

Садат, Бегин и американские деятели признают эти «недостатки» договора, которые, по их мнению, все же компенсируются «установлением мира на Ближнем Востоке». Так ли это? Война или возможность нового военного конфликта могут быть исключены лишь в том случае, если ликвидируются причины опасной ситуации. А причины эти ясны всем, в том числе и участникам сепаратной сделки. Войска агрессора не выведены со всех оккупированных территорий, не решен палестинский вопрос, являющийся ключевой проблемой ближневосточного урегулирования, и не обеспечена безопасность самого Израиля.

Уже упоминавшийся редактор «Мидл ист интернешнл» М. Эдамс считает, что от сепаратного договора с Египтом выиграл Израиль. Но это выигрыш лишь тактический, сегодняшнего дня. Он идет вразрез с долгосрочными интересами израильтян, которые, как и народы арабских стран, имеют законное право жить в мире. А именно этот сепаратный договор с Каиром не обеспечивает Израилю главного — мира и стабильности и одновременно вынуждает его ужесточать позиции в отношении других арабских стран. Дивиденды американской администрации и лично Картера тоже довольно сомнительны. Участие США в сепаратной сделке осложнило отношения Вашингтона с арабскими странами, вызвало критику со стороны европейских союзников и добавило еще одну проблему в советско-американские отношения.

Правительство США в конце июля 1979 года приняло решение о поставке современного вооружения ряду стран Ближнего Востока. Египет и Израиль, новый союзник и «традиционный» друг, получат его на сумму 4,8 миллиарда долларов, из них на 3 миллиарда — Израиль. В Вашингтоне не скрывают, что эта военная помощь представляет собой плату за сепаратную сделку и согласие следовать американской схеме ближневосточного урегулирования.

В этой связи возникает несколько вопросов. Если американская модель урегулирования на Ближнем Востоке ведет к миру, то зачем же тогда такие

масштабные поставки американского вооружения Египту и Израилю, тем более что по сепаратному договору между ними уже не существует состояния войны? Логично рассудить, что дело совершенно в другом. Израиль, безусловно, был и остается ударной силой американского империализма на Ближнем Востоке, его значение в глобальной стратегии США в последнее время значительно возросло. Это связано и с энергетическим кризисом, и с огромными капиталовложениями некоторых нефтедобывающих арабских стран, расцениваемыми как «вливание свежей крови» в дающую перебои экономику США, и с попытками администрации Картера укрепить свои политические позиции в связи с революцией в Иране и развалом блока СЕНТО. Именно в этом контексте следует рассматривать поставки оружия Израилю. Наиболее горячие головы в военных ведомствах Тель-Авива не скрывают готовности использовать силу для обеспечения бесперебойной поставки арабской нефти в США, для вмешательства во внутренние дела других стран в интересах американского империализма.

Если сионизм действует в качестве ударной силы американского империализма, то Египет пытается занять место Ирана, считавшегося до революции «жандармом» этого района. Гасить пламя революции — вот основная задача Египта в настоящее время, и для ее выполнения опять же требуется вооружение. Словом, у двух союзников США на Ближнем Востоке разные функциональные назначения.

Американское решение о новых поставках оружия Израилю вызвало протесты в арабских странах и даже у союзников США, хотя в основе такой реакции лежали разные причины. Борьба за мир на Ближнем Востоке несовместима с непрекращающимися поставками современной военной техники Израилю, который продолжает бряцать оружием, продолжает оккупировать арабские земли и терзать независимый Ливан. Ведь именно 155-миллиметровые орудия и самолеты F-15, поставляемые США, используются израильской военщиной для обстрела и бомбардировок ливанской территории.

Пик кровавых событий в Ливане, как правило,

приходится на то время, когда американские и египетские официальные лица сталкиваются с очередными трудностями в реализации сепаратной сделки. Ливанцы и палестинцы кровью оплачивают игру американской дипломатии на Ближнем Востоке. Израильская военщина, развязав себе руки на египетском фронте, сконцентрировала усилия на том, чтобы увеличить давление на суверенный Ливан, запугать соседнюю Сирию и физически уничтожить палестинцев на юге Ливана. Даже союзники США по НАТО, которые ранее выражали надежду, что американская схема ближневосточного урегулирования может привести к ликвидации опасного очага напряженности на Ближнем Востоке, вынуждены признать, что этот район сегодня далек от мира больше, чем до встречи Картера, Садата и Бегина в Кэмп-Дэвиде.

Египетское руководство своими сепаратными актами не только развязало руки Израилю в Ливане, но и пошло дальше, согласившись на секретное сотрудничество с израильской разведкой «Мосада» в борьбе против ливанских национально-патриотических сил и палестинцев. Как сообщила кувейтская газета «Аль-Ватан», в конце июля 1979 года на секретном совещании представителей израильской и египетской разведок были обсуждены планы проведения совместных египетско-израильских акций в отношении Ливана. Египетская разведка обязалась снабжать израильские спецслужбы данными о расположении вооруженных подразделений ливанских национально-патриотических сил и палестинского движения сопротивления, о месте жительства видных руководителей Организации освобождения Палестины и ливанского национально-патриотического движения. 26 июля 1979 года во Франции был убит один из палестинских лидеров Зухейр Мохсен. Зловещий альянс египетской разведки и израильской «Мосада» начинает давать кровавые плоды.

В арабском мире всегда проявлялись две тенденции арабского национализма. В период относительно спокойного развития арабские страны концентрируют свое внимание на решении внутриполитических проблем и углублении двусторонних отношений. В момент серьезной опасности, когда

под угрозу поставлены завоевания арабских народов, их национальные интересы или политическая независимость одной или нескольких арабских стран, центростремительные тенденции берут верх, и представители арабских стран собираюся на совещания для выработки совместной позиции и принятия необходимых мер. Практика проведения таких совещаний восходит к 1964 году, когда покойный президент Насер созвал первую арабскую встречу в верхах для обсуждения палестинского вопроса и положения в арабском мире. Решения, принимаемые на таких совещаниях, проводимых в рамках Лиги арабских государств, хотя и не носят обязательного характера для его участников, тем не менее являются своеобразным стержнем, отказ от которого рассматривается в арабском мире как отход от согласованной позиции. Десять лет спустя, в 1974 году, состоялось очередное совещание в Рабате, которое признало Организацию освобождения Палестины (ООП) единственным законным представителем палестинцев как на оккупированных Израилем территориях, так и в других арабских странах.

Понимание серьезной опасности сепаратного курса Египта для всех без исключения арабских стран побудило Ирак выступить 1 октября 1978 года с предложением провести совещание в верхах в Багдаде. Тот факт, что уже через десять дней 18 членов Лиги арабских государств дали свое согласие на проведение встречи, свидетельствует о том, что прогрессивные арабские государства, входящие во Фронт стойкости и противодействия, и страны, которые принято относить к консервативным арабским режимам, четко представляли себе опасность курса на сепаратное урегулирование и необходимость в этой связи выработать план совместных действий.

26 марта 1979 года Садат подписал сепаратный договор, а 27 марта в Багдаде собралось совещание министров иностранных дел и экономики арабских государств, которое приняло решение о политических и экономических санкциях против садатовского режима. Столь крутые меры, принятые арабами, были в определенной степени неожиданностью для египетского руководства. Каир рассчи-

тывал, что американцы сумеют удержать арабские страны, которые принято называть консервативными, от активного участия в санкциях против Египта. Поэтому резкие выпады египетской печати в адрес прогрессивных стран и ООП отличались от сдержанных тонов в обращении к другим арабским странам, и в первую очередь к Саудовской Аравии. Подчеркивалось, что лидеры монархических нефтедобывающих арабских стран «или ошибочно понимают свершившееся, или лишь повторяют то, о чем разглагольствуют страны отказа». Именно поэтому Каир самонадеянно ставил под сомнение реальность осуществления принятых в Багдаде решений, которые он сразу же объявил «незаконными».

Однако по мере того как санкции реализовывались, настроение в египетском руководстве менялось. И действительно, было над чем подумать. К середине июня 1979 года дипломатические отношения с Египтом разорвали ООП и все арабские государства, кроме Судана, Омана и Сомали. Со дня подписания сепаратного договора с Израилем членство Египта в Лиге арабских государств приостановлено, а ее штаб-квартира переведена в Тунис. Египет исключен из Межпарламентского союза арабских государств, Межарабской конференции арабских профсоюзов и других региональных организаций. Межарабский совет гражданской авиации 15 мая 1979 года принял решение закрыть воздушное пространство арабских стран для самолетов «Иджипт Эйр», приостановить полеты самолетов арабских авиакомпаний в Египте и перенести штаб-квартиру совета из Каира в Рабат. Принятие и в целом последовательное проведение в жизнь багдадских решений усиливает изоляцию Египта в арабском мире и внешнеполитические трудности Каира.

Садат не упускает ни одного случая, чтобы подтвердить свою лояльность заокеанским хозяевам. В тот момент, когда Иран бурлил от антиамериканских демонстраций, Садат, ссылаясь на принципы «гуманности и мусульманской морали», предложил свергнутому шаху, затаившемуся в США, поселиться в Египте. 23 марта 1980 года на американском самолете беглый шах прибыл в Египет из Панамы и был принят Садатом с распростертыми объятиями.

Пропагандистская кампания египетского руководства против иранской революции и лично Хомейни разжигала национальные разногласия и религиозную рознь среди иранцев разных национальностей и направлений ислама. Более того, в начале 1979 года в момент наиболее острых внутриполитических событий в Иране египетские агенты вместе с сотрудниками шахской охранки САВАК вели настоящее сражение против иранского народа и его революционного авангарда. Не исключено, что в составе террористических банд, членов которых время от времени вылавливают революционные власти Ирана, есть и те, кто прислан из долины Нила.

Воспользовавшись осложнением американо-иранских отношений и позитивными переменами в Афганистане, администрация Картера развернула беспрецедентную кампанию угроз и шантажа против народов Ближнего Востока, в которой принимает участие египетское руководство. Садат, повторяя измышления администрации Картера, расценил помощь СССР афганскому народу по просьбе его законного руководства как «вмешательство во внутренние дела». Он совершенно забыл» о том, что египетские специалисты вместе с американцами и китайцами готовят в лагерях в Пакистане афганских диверсантов. Более того, на египетской территории действует несколько центров для военной подготовки афганских контрреволюционеров, которые засылаются на территорию Афганистана, лежащего в нескольких тысячах километров от Каира. Это ли не вмешательство во внутренние дела — как же иначе расценивать подобные действия египетского руководства?

Выработке мер по поддержке военно-политического курса США на Ближнем и Среднем Востоке были посвящены переговоры Садата и Бегина, проходившие в январе 1980 года в Асуане. Заявление египетских и израильских руководителей о готовности предоставить базы и услуги на своей территории вооруженным силам США в случае «принятия мер» в отношении Ирана, поддержка контрреволюционных афганских элементов, подключение к работе по созданию агрессивных блоков в Персидском заливе и Красном море — все это свиде-

тельствует о том, что зловещая ось Каир — Тель-Авив — Вашингтон начинает действовать в полную силу. Достаточно сказать, что американские самолеты, принимавшие участие в апрельской (1980 г.) провокации против Ирана, заправлялись на египетских аэродромах.

Хейкал в статье, опубликованной в газете «Аль-Ахрам» 15 августа 1969 года, писал: «Что касается позиции США по отношению к арабам, то о ней можно судить по лекции, прочитанной 18 апреля 1969 года в университете Колорадо Дэвидом Нэйсом, бывшим американским дипломатом, долгое время работавшим в странах Ближнего Востока. По мнению Нэйса, США стремятся в районе Ближнего Востока к осуществлению следующих целей:

— укрепление юго-восточного фланга НАТО;

— гарантия сохранения независимости, безопасности и процветания государства Израиль;

— обеспечение контроля над нефтью арабских стран.

По словам Нэйса, США стремятся в отношении Египта к осуществлению следующих целей:

— изоляция Египта от остального арабского мира;

— подрыв позиций президента Насера в арабском мире, в Африке, в мусульманском мире и в «третьем мире»;

— свержение режима президента Насера».

Десять лет спустя цели в отношении Египта были достигнуты с помощью нынешнего египетского руководства.

Кто виноват в ухудшении советско-египетских отношений

Советский Союз придает значение тому, как складываются его отношения с Египтом. В этом нет ничего, что объяснялось бы односторонними интересами Советского Союза или какими-то корыстными целями. Говоря на XXV съезде КПСС о политике СССР в отношении освободившихся от коло-

ниальной зависимости стран, товарищ Л. И. Брежнев подчеркнул: «Наша партия оказывает и будет оказывать поддержку народам, которые сражаются за свою свободу. Советский Союз при этом не ищет никаких выгод для себя, не охотится за концессиями, не добивается политического господства, не домогается военных баз».

В силу целого ряда объективных факторов отношения между Советским Союзом и Египтом оказывали весьма существенное влияние на развитие обстановки в районе Ближнего Востока в целом. Дружественное сотрудничество двух стран во многом способствовало успешному решению египетским народом его национальных задач, а также благоприятному развитию освободительного движения других арабских народов.

Не случайно трезвые политические деятели в АРЕ, да и в остальном арабском мире, говоря о сотрудничестве СССР и Египта в прошлом, обычно подчеркивали стратегическое значение советско-египетской дружбы, выходящей за рамки отношений между двумя странами. И в этом нет ничего удивительного. Советский Союз — великая держава, лежащая в непосредственной географической близости к арабскому миру, и нам совсем не безразлично, как и в каком направлении развиваются события в этом районе. Советский Союз — постоянный член Совета Безопасности ООН — несет ответственность за сохранение мира как на Ближнем Востоке, так и в других районах мира. Установление между Египтом и СССР нормальных отношений и взаимовыгодного сотрудничества отвечает интересам обоих государств.

Миролюбивые принципы советской внешней политики находят ежедневное подтверждение на протяжении всей истории Советского государства. Что касается линии Советского Союза на Ближнем и Среднем Востоке, то она, как в области двусторонних отношений, так и в подходе к международным проблемам, например ближневосточного урегулирования, определяется стремлением обеспечить справедливый и прочный мир и безопасность народам этого района, избежать конфронтации и нагнетания напряженности. Утверждать обратное — значит сознательно идти на дезинформацию и ложь.

* * *

Революционные события 1917 года в России оказали прямое воздействие на положение на Ближнем Востоке. Еще в сентябре 1917 года английские колониальные власти в Египте задерживали все приходившие в адрес подписчиков русские газеты. По информации российского консула и дипломатического агента Смирнова, британский верховный комиссар заявил ему, что он намерен рассмотреть вопрос о мерах цензуры «ввиду растлевающего влияния на здешнее население сообщаемых в наших газетах известий».

В 1916 году у египетского Порт-Саида подорвался на немецкой мине русский крейсер «Пересвет». Его команда пригнала крейсер в Александрию, сошла на берег и надолго осталась в Египте. Среди экипажа были и большевики. Тот же консул Смирнов, утвержденный Временным правительством в качестве своего представителя, доносил в Петроград, что английский верховный главнокомандующий обращал внимание на «революционную деятельность делегата «Пересвета» комендора Лучинкина и требовал его высылки из Египта ввиду анархической и пацифистской пропаганды с его стороны». Однако Смирнов, считавший Лучинкина «большевиком-максималистом», полагал, что в России он будет более опасен, и продолжал задерживать его в Египте. Большевистская пропаганда против английских колонизаторов в Египте, проводимая русскими моряками с «Пересвета», была настолько активна и действенна, что англичане в 1920—1921 годах выслали из страны сто русских моряков «как приверженцев Советского правительства».

Английские колонизаторы, правившие Египтом, всячески препятствовали распространению правды о Стране Советов. Но правда пробивала заслоны цензуры, мутные потоки злобной клеветы.

Вот несколько примеров.

Обращение Совета Народных Комиссаров «Ко всем трудящимся мусульманам России и Востока» было переведено на арабский язык и распространено в арабских странах. «На наших знаменах мы несем освобождение угнетенным народам мира»,—

говорилось в этом документе. Многие египтяне и сегодня считают это обращение письмом В. И. Ленина к арабам.

Секретное соглашение Сайкс-Пико, подписанное в 1916 году, о разделе между Англией и Францией наследства Османской империи было извлечено из канцелярии министерства иностранных дел царской России и опубликовано в Петрограде. В декабре 1917 года его текст был переведен на арабский язык в Бейруте. Грабительский, унизительный характер этого соглашения вызвал возмущение в арабских странах, в том числе и в Египте. Выступления против английского протектората в 1919—1922 годах в Египте связаны, в частности, и с разоблачением этих преступных планов английских и французских колонизаторов. Восставшие египетские феллахи называли создаваемые ими комитеты русским словом «советы».

После революции 1917 года и гражданской войны в Египте оказалось около 18 тысяч русских людей. Среди них были и заклятые враги Советской власти, бежавшие из Крыма на последних пароходах Антанты, были и просто обманутые люди, попавшие в водоворот революционных событий. Русская колония постепенно редела, и в 1924 году, когда было создано бюро по русским делам, здесь оставалось немногим более 7 тысяч человек.

В 1942 году у памятника в Порт-Саиде, где похоронены матросы «Пересвета», появились новые могилы. Шла Великая Отечественная война, и погибшие на Средиземном море, у берегов Египта, советские моряки были похоронены в одной ограде с русскими матросами. Этот памятник существует и сегодня, символизируя, что отношения между двумя народами, советским и египетским, имеют давнюю историю.

В 1943 году Советский Союз и Египет установили дипломатические отношения. В Каире открылась советская дипломатическая миссия.

Становление и укрепление советско-египетской дружбы шло параллельно углублению революционных процессов в Египте после июня 1952 года, когда в стране осуществлялись прогрессивные социально-экономические преобразования в интересах народных масс, и Египет выдвинулся на пере-

довые рубежи борьбы за мир и прогресс. Этот период неразрывно связан с именем и деятельностью Насера, который много делал для того, чтобы отношения его родины с нашей страной были дружественными. «Мы высоко дорожим этой дружбой, служащей высоким образцом добрых отношений между народами и государствами, примером того, как может влиять такая последовательная дружба на развитие событий и истории»,— говорил Насер. Прочным фундаментом дружбы и сотрудничества между нашими странами неизменно служила общность интересов в борьбе против империализма и реакции, за мир, безопасность и социальный прогресс.

Дружба двух народов имеет очевидные и общепризнанные достижения. Признавали их в свое время и нынешние руководители Египта, в том числе и президент Садат. В феврале 1972 года он заявил корреспонденту ТАСС следующее: «Я хочу выразить благодарность не только за политическую и военную поддержку, оказываемую нам Советским Союзом, но и за всестороннюю помощь экономике нашей страны, в частности в развитии ее основы — тяжелой промышленности. Я хочу поблагодарить за проведение буквально сотни мероприятий — больших и малых,— которые были осуществлены за последние годы». И сейчас вряд ли кому удастся скрыть или замолчать тот факт, что при содействии Советского Союза на египетской земле построено более ста промышленных и сельскохозяйственных объектов, ставших ядром государственного сектора и современной национальной экономики, подготовлено более 120 тысяч квалифицированных рабочих, мастеров и инженеров. Среди созданных с помощью СССР объектов — Асуанская плотина и Хелуанский металлургический комбинат, которые стали не только символами советско-египетской дружбы и взаимовыгодного сотрудничества, но и неоспоримыми свидетельствами экономического прогресса страны, лицом нового Египта.

Президент Насер 23 июля 1962 года, вернувшись с сессии Всеобщего национального конгресса, говорил Хейкалу:

— Я был очень взволнован, когда объявлял о завершении строительства высотной Асуанской

плотины... Я так хотел дожить до этого дня. Высотная Асуанская плотина для меня очень много значила как символ, и завершение ее строительства лично для меня — важная вещь! — И добавил: — Можно спокойно умереть завтра, будучи уверенным в том, что народ в состоянии все вынести и все осуществить.

Однако уроки истории, в том числе и самой недавней, свидетельствуют о том, что межгосударственные отношения не всегда развиваются по прямой, восходящей линии. В них бывают взлеты и падения, отступления и повороты, которые, как правило, связаны с субъективными, преходящими факторами.

Именно такие трудности возникли и в отношениях Советского Союза с Египтом. В чем причина такого поворота? Корень этих трудностей следует искать в изменении политической линии Египта. Угодничая перед США и западными странами, представители нынешнего египетского руководства делают все, чтобы оправдать их надежды. Причем они не останавливаются даже перед тем, чтобы принести в жертву национальные интересы страны, в том числе отношения с Советским Союзом, которые некогда ими же назывались «стратегическими». СССР не несет ответственности за ухудшение связей с этой арабской страной. Вина целиком ложится на руководящие круги АРЕ, которые в последние годы предприняли ряд мер, нанесших значительный ущерб советско-египетским отношениям и ставших серьезной помехой на пути их дальнейшего развития. Арабской и международной общественности хорошо известны такие неблаговидные шаги египетского руководства в отношении Советского Союза, как односторонняя денонсация Договора о дружбе и сотрудничестве 1971 года, публикация мемуаров президента Садата, которые задали тон разнузданной антисоветской кампании в египетской печати, закрытие консульских учреждений СССР в Египте, советского культурного центра в Каире и его филиала в Александрии.

В своих мемуарах Садат утверждает, что советско-египетский Договор о дружбе и сотрудничестве будто бы был «навязан» Египту. Однако не кто

иной, как Садат, говорил в Народном собрании Египта 2 июня 1971 года: «Мы хотели этого договора и подписали его, добавив новые гарантии делу успешного завершения нашей борьбы. Я стремился к подписанию договора с Советским Союзом во имя нашего будущего и будущего наших потомков».

В рассуждениях египетских ответственных лиц по поводу советско-египетских отношений часто затрагивается вопрос о сотрудничестве в военной области. Здесь уместно вспомнить покойного президента Насера, который не раз повторял, что если бы не военные поставки Советского Союза, то Египет после июньской войны 1967 года был бы буквально «растоптан сапогами захватчиков». Египтянам и арабам в других странах хорошо известно, что именно советские зенитные установки прикрыли города долины Нила в 1970 году, когда израильские самолеты бомбили пригороды Каира. А разве не советским оружием воевали египетские и другие арабские солдаты в октябре 1973 года, разве не ракеты советского производства сбивали «Фантомы», «Скайхоки» и «Миражи» агрессора над Суэцким каналом и Дамаском? С помощью советского оружия в октябре 1973 года был нанесен существенный урон войскам агрессора. Но, пожалуй, самое главное в том, что в октябрьские дни 1973 года был разбит миф о непобедимости израильской армии, разбит с помощью советского оружия.

Египетские официальные деятели нередко утверждают, что Советский Союз поставил Египту во время октябрьской войны 1973 года лишь «несколько чемоданов запчастей» к советской военной технике. Это совершенно не соответствует действительности. По «воздушному мосту» и по морю в Египет из СССР в срочном порядке поставлялось оружие и боеприпасы. В этой связи Садат 7 октября 1973 года говорил советскому послу в Каире: «Не могу найти слов, чтобы выразить глубокую благодарность советским руководителям — подлинным друзьям Египта. Это навсегда останется в моем сердце и в сердце всех египтян». Несколько дней спустя Садат вновь заявил советскому послу:

«Ваша позиция — это позиция истинных друзей, которые пришли к нам на помощь в самые ответственные и трудные для нас дни. Действия советского руководства являются историческими по своему значению и, несомненно, будут иметь большое влияние не только на ход военных действий, но и на дальнейшие отношения дружбы между нашими странами».

Ложь и клевета последних лет по поводу советско-египетского военного сотрудничества и объема советской помощи никого не могут ввести в заблуждение.

Египетское руководство в искаженном виде представляет своему народу и мировой общественности и финансово-кредитные отношения Советского Союза с Египтом. Между тем, учитывая просьбы Каира, советская сторона неоднократно пересматривала имеющиеся соглашения, предоставляя значительные рассрочки по расчетам за кредиты.

Политический курс Советского Союза в отношении Египта не меняется под влиянием преходящих факторов. Это — последовательный принципиальный курс, вытекающий из основ ленинской миролюбивой внешней политики первого в мире социалистического государства. Советский Союз за добрые, а еще лучше — дружественные отношения с Египтом. Именно такой характер советско-египетских отношений наиболее полно отвечал бы интересам обеих сторон, задачам расширения и укрепления завоеваний арабских народов в деле национального освобождения, экономических и социальных преобразований, задачам борьбы за установление справедливого мира на Ближнем Востоке.

Такая позиция Советского Союза не нова, и думающие египтяне прекрасно ее понимают. Так, например, Хейкал в лондонской газете «Таймс» писал 4 апреля 1971 года следующее: «Иногда говорят, что русские не могут быть реально заинтересованными в постоянном урегулировании на Ближнем Востоке, ибо это отняло бы у них предлог для присутствия в этом районе. Это фальшивые доводы. Русским нет необходимости физически присутствовать в районе, чтобы защищать свои интересы. У них нет никаких капиталовложений, которые нуж-

но было бы гарантировать с помощью силы. Высотная плотина — это не капиталовложения в таком смысле, как капиталовложения Соединенных Штатов в чилийскую медь, либерийский каучук или, если на то пошло, в арабскую нефть.

Русские капиталовложения носят политический, а не экономический характер. Нет никакого основания полагать, что для защиты политических капиталовложений необходимы базы и вооруженные силы».

Не вина советской стороны в том, что ныне отношения с Египтом переживают трудности. Советский Союз не предпринимал никаких действий, которые были бы направлены на ухудшение советско-египетских отношений или создание трудностей для египетского народа. Но, разумеется, для того чтобы вернуть отношения между Советским Союзом и Египтом в русло дружбы и сотрудничества, недостаточно желания и усилий одной стороны. Достижение этой цели будет невозможно до тех пор, пока другая сторона не станет на путь практических конструктивных шагов, учитывающих взаимные интересы. Беспардонные выходки и нападки египетских журналистов и официальных лиц на Советский Союз и его политику вряд ли могут заменить такие дела и не могут, естественно, способствовать нормализации советско-египетских отношений.

* * *

Я долго думал, как назвать свою книгу о Египте после Насера. И остановился на том, которое вы видите на обложке. «Сумерки Каира». На Каир, на Египет, где 350 дней в году ярко светит жаркое африканское солнце, опустились сумерки, сумерки политического характера. Каир, бывший во времена президента Насера маяком освободительной борьбы арабских народов, задававший тон движению неприсоединения, сегодня по воле нынешнего египетского руководства превратился в союзника империализма, отрекся от палестинского народа и его справедливой борьбы. Но сумерки проходят, как день сменяет ночь, как после грозы и бури наступает затишье. Это произойдет и в Египте, стране тысячелетней истории талантливого народа. В этом логика истории, логика социального прогресса.

СОДЕРЖАНИЕ

3 **Вместо предисловия**
4 **Новая жизнь на берегах Нила**
4 Начало пути
14 Тернистый путь к прогрессу
25 На крутых поворотах
36 **Десять лет после Насера**
36 Куда ведут «открытые двери»
54 Гримасы «контролируемой демократии»
69 Мир по-американски
87 **Кто виноват в ухудшении советско-египетских отношений**

Олег Герасимов

СУМЕРКИ КАИРА

Редактор Ф. Л. Цылкина
Художник А. А. Орехов
Художественный редактор Е. А. Якубович
Технический редактор Т. Г. Дугина
Корректор Н. Д. Бучерова

ИБ № 2079
Кодированный оригинал-макет издания подготовлен на электронном печатно-кодирующем и корректирующем устройстве «Тула-У». Сдано в наб. 14.03.80. Подл. в печать 05.06.80. А02934. Формат $84 \times 100^1/_{32}$. Бумага типографская № 1. Гарнитура журнально-рубленая. Печать высокая. Усл. п. л. 4,68. Уч.-изд. л. 4,90. Тираж 100 000 экз. Заказ № 1132. Цена 20 к. Изд. инд. ХД-292.

Издательство «Советская Россия» Государственного комитета РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 103012, Москва, пр. Сапунова, 13/15.

Книжная фабрика № 1 Росглавполиграфпрома Государственного комитета РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли, г. Электросталь Московской области, ул. им. Тевосяна, 25.

20 к.

ТУ СТОРОНУ ПО ТУ СТОРОНУ ПО ТУ СТОРОН

СОВЕТСКАЯ РОССИЯ